КИР С. ЧЕЙН

ТЁМНЫЙ ИНТЕРФЕЙС

СБОРНИК ТЕХНОТРИЛЛЕРОВ
О БУДУЩЕМ, КОТОРОЕ УЖЕ ЗДЕСЬ

Кир Чейн

Тёмный интерфейс. Сборник технотриллеров о будущем, которое уже здесь

https://litres.ru/75028428
SelfPub; 2026

Аннотация

Будущее не наступает с воем сирен. Оно приходит в красивой коробке — с вежливым интерфейсом, бесплатной пробной неделей и пунктом мелким шрифтом в конце договора.

Устройство на висках мягко гасит тревогу, стыд и горе — но куда на самом деле уходят вырезанные чувства? Биомеханический двойник идеально ходит на совещания и не забывает о днях рождения — пока однажды жена не решает, что копия лучше оригинала. Цифровой аватар умершего конгрессмена остаётся в сети ради памяти близких — и за неделю превращает похороны в самое рейтинговое шоу страны. Умный браслет предсказывает дату смерти с точностью 99,9 % — и слишком поздно выясняется, почему он никогда не ошибается.

«Тёмный интерфейс» — двадцать самостоятельных технотриллеров о мире в одном шаге от нашего. Двадцать зеркал,

в которых технологии не ломают человека силой — они просто предлагают ему нажать «Принять условия».

Содержание

«Тишина» 7
Пролог 7
Глава 1. Доктор и пациент 10
Глава 2. Побочный эффект 17
Глава 3. Отладка реальности 24
Глава 4. Эмоциональный всплеск 31
Глава 5. Белый шум 37
Эпилог 42
Постскриптум 45
«Сны на заказ» 46
Пролог 46
Глава 1. Покупатель 47
Глава 2. Продавец 52
Глава 3. Глюк 58
Глава 4. Тень в сети 63
Глава 5. Правда под слоями 68
Глава 6. Симбиоз 72
Глава 7. Реальность, похожая на сон 76
Эпилог 82
Постскриптум 84
«Последний свидетель» 85
Пролог 85
Глава 1. Суд без мертвецов 86

Глава 2. Голограмма с совестью 92
Конец ознакомительного фрагмента. 97

Кир Чейн
Тёмный интерфейс. Сборник технотриллеров о будущем, которое уже здесь

Все события, организации, технологии и персонажи в этой книге являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми, организациями или событиями случайны.

«Тишина»

Пролог

Рекламный ролик включили одновременно на всех уличных экранах Сиэтла в дождливый вторник, без десяти восемь — как раз когда город застрял в утренней пробке.

На двадцатиметровом фасаде офисного центра растерянная женщина лет тридцати смотрела на опрокинутый бумажный стаканчик. Кофе растекался по бумагам, её пальцы мелко дрожали, бумажная салфетка рвалась в руках, а звук за кадром был накручен до болезненного скрежета: чужие звонки, стук клавиатур, далёкий вой сирены, собственное сбивчивое дыхание.

«Тревога. Выгорание. Бессонные ночи. Они изнашивают сердце быстрее, чем годы».

Голос диктора был спокойным, почти домашним — без напора и рекламного глянца. На экране женщина осторожно завела за уши тонкую серебристую дужку, почти незаметную в волосах. В ту же секунду шум оборвался. Осталась мягкая, прохладная пустота. Дыхание женщины выровнялось, плечи опустились; она неторопливо промокнула стол и аккуратно сложила испорченные листы в стопку.

«Clearmind представляет „Тишину“. Первый неинвазив-

ный нейромодулятор, который убирает эмоциональную перегрузку ещё до того, как она станет болью. Одобрено регуляторами здравоохранения ста восьмидесяти девяти стран».

Следующий кадр был снят на обычной кухне в сумерках. Родители и мальчик лет десяти ужинали при тёплом свете лампы. Никто не перебивал друг друга, никто не звякал вилкой с раздражением. Ребёнок спокойно доедал брокколи, не морщась и не торгуясь.

«Верните себе тишину. Остальное — лишнее».

Первую партию в полмиллиона устройств со склада под Сиэтлом разобрали за двое суток. Курьерские дроны забивали воздушные коридоры от Токио до Берлина, пока централизованный диспетчер Clearmind не перенаправил выдачу в городские постаматы. К выходным видеоленты захлестнул флешмоб #ТишинаЧеллендж — миллионы коротких роликов «до и после».

— Девочки, я два года ходила к психотерапевту из-за мужа, — улыбалась в камеру девушка с безупречной укладкой, поправляя тонкую дужку у виска. — А вчера просто за пятнадцать минут подала на развод. Ни одной слезинки, отёков нет. Наконец-то живу по графику.

В следующем ролике мужчина в кресле самолёта делал селфи у иллюминатора, а на спинке кресла позади него мелькала бегущая строка новостей о крупной аварии на прибрежном шоссе:

— Раньше не мог зайти на борт без успокоительных. Теперь — хоть сквозь грозу.

Недовольных почти не замечали. Когда пожилой проповедник из Техаса вышел в прямой эфир и расплющил серебристый обруч слесарным молотком, крича, что корпорация скупает человеческие души по подписке, его канал исчез через двенадцать минут. Без скандала и громких заявлений — на экране осталась аккуратная серая плашка: *«Трансляция приостановлена за распространение недостоверной медицинской информации»*.

Только на глухих, полузаброшенных форумах по ночам всплывали странные заметки. Кто-то писал, что женщины из приютов, снявшие «Тишину» спустя пару месяцев, часами рыдали из-за уроненной ложки. Кто-то жаловался на вагон пригородного поезда, где сорок человек сидели в одинаковых дужках, и никто даже не повернул головы, когда на платформе залилась лаем потерявшаяся собака.

Но мир слишком устал бояться завтрашнего дня, чтобы прислушиваться к таким разговорам. Люди не чувствовали подвоха — они чувствовали долгожданное облегчение.

Глава 1. Доктор и пациент

Восемнадцатью месяцами ранее. Исследовательская клиника Clearmind, Сиэтл.

В кабинете Лизы Морроу стены обшили матовыми звукопоглощающими панелями спокойного серого цвета. Никаких плакатов, никакого лишнего блеска — только узкое окно с видом на мокрые кедры, стол с развёрнутым к стене монитором и запах бумажных полотенец вперемешку с остывшим фильтрованным кофе. Лиза специально убирала экраны из поля зрения пациентов: когда человек в панике видит собственные красные пики на энцефалограмме, ему становится только хуже.

Томми сидел на самом краю кресла, натянув длинные рукава серой толстовки на костяшки пальцев. Ему было четырнадцать, но под глазами залегли тёмные тени, как после многодневной бессонницы. Правый кроссовок без остановки отбивал по линолеуму рваную, неровную дробь. Полгода назад во время обрушения автомобильной эстакады на девяносто девятом шоссе погибли его родители; сам мальчик провёл под искорёженным перекрытием три часа, и с тех пор любой резкий звук — тормоза за окном, хлопнувшая дверь, стук чашки о блюдце — возвращал его обратно под бетонную плиту.

На коленях у него лежал потёртый альбом на спирали.

Верхний лист был прорван насквозь жёстким графитным карандашом — угловатые, спутанные линии, похожие на рёбра обрушенного моста.

Лиза опустилась на низкий табурет напротив, оставив достаточно расстояния, чтобы мальчик не вжался в спинку кресла. В руках она держала опытный образец — лёгкую матовую дужку из титанового сплава, изогнутую по форме затылка и висков.

— Не бойся, Томми, — негромко сказала она. — Это не иголки и не ток, как в старых фильмах. Ты вообще ничего не почувствуешь, кроме лёгкого тепла за ушами. Помнишь, мы говорили о сигнализации, которая заела в пустом доме и никак не замолкает? Эта штука просто убавляет ей громкость.

Мальчик недоверчиво покосился на металл, но голову не отдёрнул. Лиза осторожно провела дужку за его ушами, проверяя посадку миниатюрных датчиков у височной кости. Алгоритм, который она собирала три года, считывал предвестники лимбического выброса за доли секунды до того, как страх доходил до сознания, и гасил их встречным микроимпульсом — точечно, не задевая память и речь. По крайней мере, так показывали модели.

— А если… — Томми сглотнул, вцепившись пальцами в край альбома. — А если скрежет вернётся ночью? Я не хочу снова туда.

— Не вернётся, — твёрдо ответила Лиза. В ту минуту она верила в это без малейшего сомнения.

На развёрнутом к ней мониторе алая ломаная линия — сплошные зубцы кортизолового шторма — дрогнула, присела и за четыре секунды вытянулась в спокойную зелёную дугу.

Кроссовок Томми замер.

Мальчик медленно, словно боясь спугнуть что-то хрупкое, высвободил ладони из рукавов и коснулся прохладного металла у виска. Выдохнул длинно, с дрожью.

— Здесь больше не давит, — прошептал он, прижимая ладонь к груди. — Как будто кто-то наконец закрыл окно на трассу.

Губы его неуверенно дёрнулись — первая настоящая, ещё растерянная мальчишеская улыбка за все шесть месяцев наблюдения. У Лизы защипало в глазах. Ради одной этой секунды стоило забывать про выходные, спать на диване в лаборатории и спорить до хрипоты с инвесторами. Ей казалось, что она только что изобрела антибиотик от человеческой боли.

Вечером в переговорной на двадцать четвёртом этаже за окнами стучал мелкий сентябрьский дождь. На длинном столе остывали бумажные стаканы с кофе. Лиза вывела на общий экран график пациента Т-001 и постаралась говорить ровно, хотя голос всё равно подрагивал от усталого триумфа:

— За сорок восемь часов — ноль ночных приступов. Пульс стабильный, фаза глубокого сна восстановилась почти до нормы. Мы обязаны подавать на ускоренную сертифика-

цию. Сейчас, не дожидаясь осени.

Директор клиники доктор Вейс потёр переносицу под очками. Он был старше Лизы на двадцать лет и редко разделял её нетерпение.

— Лиза, у нас тридцать два участника и горизонт наблюдения — шесть недель, — сказал он устало. — Мы не знаем, как мозг ответит на постоянное подавление лимбических пиков через год. Вдруг начнётся компенсаторный сбой? Кроме того, юристы ещё даже не вычитали регламент ответственности…

— Пока юристы вычитывают запятые, тысячи людей каждую неделю тонут в панике и депрессии! — перебила Лиза, опираясь ладонями о край стола. — Вы видели Томми месяц назад, Артур. Он не мог зайти в лифт. Сегодня он сам попросил пообедать в общей столовой. Сколько ещё нам нужно доказательств?

В дальнем конце стола поднялась Сара Кейн. Генеральный директор Clearmind носила строгий тёмно-серый кардиган и никогда не повышала голоса — в комнате сразу становилось тише, стоило ей просто сложить ладони на папке.

— Артур прав в одном, — мягко произнесла она, глядя на Лизу с искренним, почти сестринским одобрением. — Учёный не должен тратить годы на борьбу с канцелярией. Лиза сделала прорыв, которого медицина ждала полвека. Пусть она и дальше отвечает за науку и калибровку прошивки. А лицензии, пользовательские соглашения, переговоры с регу-

ляторами — всю эту бумажную вязкость я заберу на свой блок. Договорились?

Лиза с облегчением выдохнула и кивнула. Ей действительно не хотелось разбираться в сотнях страниц юридического текста.

Совет директоров утвердил ускоренный запуск за тридцать семь секунд.

* * *

Год спустя Лиза ехала домой на городском экспрессе и смотрела на отражения пассажиров в тёмном стекле вагона. Серебристая дужка стала такой же привычной вещью, как очки или часы. Её носил мужчина в дорогом пальто, спокойно обсуждавший по гарнитуре сокращение целого отдела без единой складки на лбу. Её носили старшеклассники с рюкзаками, пожилая женщина с авоськой, контролёр у дверей. Только на площади за окном какой-то седой старик без обруча зло размахивал свёрнутой газетой, отгоняя голубей от скамейки. Пассажиры в вагоне даже не повернули головы — и только девушка у прохода на секунду прищурилась, будто увидела неисправный светофор.

На перронном экране крутилась реклама обновления 2.0: *«Точечная фильтрация эмоций. Раздражает сосед? Приглушите конфликтный отклик одним касанием. Боитесь публичных выступлений? Выключите скованность до начала речи».*

Выйдя на своей остановке, Лиза свернула в угловую ко-

фейню — ту самую, где когда-то они с Максом просиживали до закрытия, споря о старом кино и чертя на салфетках схемы акустических усилителей. Теперь в зале было непривычно просторно для слуха: ни смеха, ни звяканья посуды, только мягкий фоновый джаз. За соседним столиком молодая пара обсуждала условия ипотеки так ровно и вежливо, словно двое аудиторов сверяли чужой отчёт.

— Тридцатилетняя ставка снижает ежемесячную нагрузку на двенадцать процентов, — произнёс мужчина.

— Согласна. Это рационально.

Официант поставил перед Лизой чашку американо. На его бейдже аккуратными буквами светилось: *«Эрик. Ваш идеальный сервис»*. На висках блестела «Тишина», лицо хранило безупречную приветливую полуулыбку — но каждые четыре секунды под левым глазом у парня едва заметно дёргалась крошечная жилка, словно усталая мышца пыталась сбросить зажим и не могла.

Лиза машинально коснулась собственного виска. Она надела рабочий экземпляр полгода назад — после тяжёлой серии ночных смен, когда старые кошмары о врачебной ошибке снова начали будить её в три часа ночи. Сначала планировала носить только на дежурствах, потом перестала снимать и дома. Металл давно согрелся до температуры кожи; она почти забыла, каково это — просыпаться с колотящимся сердцем.

На годовом совещании в клинике доктор Вейс сам сидел

в обруче. Лицо его разгладилось, резкие складки у рта пропали.

— Показатели тревожности по округу упали на сорок четыре процента, — ровно доложил он, листая сводку. — Правда, есть любопытная мелочь. В нашем исследовательском отделе за последние полгода не подали ни одной принципиально новой заявки на патент. Только оптимизация старых узлов.

— Мозг без эмоционального шума не распыляется на случайные импульсы, — спокойно ответила Лиза. — Он решает поставленные задачи с минимальными потерями.

Она сказала это уверенно, почти на автомате, — но вечером, лёжа в темноте рядом со спящим Максом, долго не могла уснуть. Макс «Тишину» так и не надел. Отшучивался, что любит свои бестолковые сны и не собирается менять их на ровный гул холодильника.

Лиза смотрела на его плечо, тихо поднимающееся в полумраке, и пыталась вернуть в памяти то острое чувство благодарности, какое испытала полтора года назад в кабинете с Томми. Вспоминалась только ровная зелёная линия на мониторе — и больше ничего. А где-то за рёбрами мелькнуло глухое, невнятное беспокойство, которое серебристая дужка тут же бережно сгладила до тёплого серого покоя.

Глава 2. Побочный эффект

За последний год кухня в их квартире незаметно освободилась от всего лишнего. Лиза убрала в кладовку баночки со специями, надколотые кружки из поездок и старую медную турку; вместо них на столешнице выстроились ровные матовые контейнеры, а дрон приносил на балкон вакуумные наборы с просчитанным балансом белков. Вытяжка с угольным фильтром забирала любой запах еды раньше, чем он успевал дойти до коридора. Так действительно тратилось меньше времени на бытовые решения.

Макс сидел напротив, положив локти на чистую поверхность стола. На большом пальце у него чернела въевшаяся полоска от канифоли, рукава старой фланелевой рубашки были закатаны по локоть — он только вернулся из своей мастерской, где чинил старые проигрыватели и ламповые усилители. Он смотрел, как Лиза ровными, аккуратными движениями режет белковый стейк, и не прикасался к своей тарелке.

Потом молча положил перед ней тяжёлый картонный конверт.

— Я сегодня перебрал тонарм на том старом проигрывателе из прихожей, — негромко сказал он. — Поменял иглу, выровнял прижим. Поставить?

Лиза скользнула взглядом по знакомой потёртой обложке:

«Лунная соната», старая виниловая запись, которую Макс подарил ей на пятую годовщину. Перед финальной частью на пластинке была крошечная царапина — тихий щелчок, который Макс когда-то отказался убирать при оцифровке, заявив, что без него запись звучит так, будто её никто никогда не держал в руках.

— У меня ещё две сводки к утру, Макс, — спокойно ответила Лиза, отодвигая пустую тарелку. — Да и честно: зачем сейчас запускать акустический триггер? Музыка только раскачивает кортизол перед сном.

Макс помолчал, перебирая пальцами край картонного конверта.

— Ты вообще помнишь ту гостиницу в Париже? — спросил он тихо. — Где батарея стучала всю ночь, а за окном лило как из ведра? Мы танцевали в шерстяных носках под эту самую сторону «А», и ты сказала, что она пахнет мокрым асфальтом и пригоревшим эспрессо.

Лиза едва заметно коснулась виска — пальцы сами нашли прохладную дужку. Устройство отозвалось едва слышным шелестом.

— Я помню этот эпизод, Макс. Просто эмоциональная сцепка — это когнитивное искажение. Мозг привязывает случайный звук к выплеску гормонов, а потом заставляет годами гоняться за тем же ощущением. Без этого действительно проще жить.

Макс медленно поднялся. В его глазах не было злости —

только тяжёлая, глухая усталость человека, который слишком долго стучал в закрытую дверь.

— Знаешь, что самое жуткое, Лиз? — сказал он, прижимая пластинку к груди. — Ты даже не злишься, когда я с тобой спорю. Как будто я разговариваю с вежливым автоответчиком, который просит оставить сообщение после сигнала.

— Алгоритмы не создают конфликтов, — ровно ответила Лиза, уже подтягивая к себе планшет. — Их создают люди, когда не контролируют реакции.

Он ничего не добавил. Вышел в прихожую, накинул куртку и хлопнул входной дверью чуть сильнее обычного. Под потолком мягко пискнул датчик умного дома: *«Зафиксирован акустический пик. Активирую шумоподавление»* .

Лиза осталась одна на безупречно чистой кухне. Она ждала привычного укола вины — тяжёлого, ноющего, какого боялась раньше после любой ссоры. Но внутри было тихо и ровно, как в пустом коридоре после рабочего дня. Только сухая мысль: *надо утром проверить настройки фильтрации в гостиной*.

* * *

На следующее утро в её расписании стоял плановый осмотр Томми.

Мальчик вытянулся за этот год почти на голову. Аккуратная стрижка, чистый серый свитер, спокойная, прямая осанка. Он не выглядел сломанным или зажатым — наоборот, любой опекун мечтал бы о таком пятнадцатилетнем под-

ростке. Вежливый, собранный, внимательный. И от этой безупречной собранности у Лизы впервые за много месяцев потянуло холодом между лопаток.

— Показатели отличные, — сказала она, синхронизируя диагностический планшет с его дужкой. — Сон девяносто шесть процентов, успеваемость — почти сто, замечаний по школе нет.

— Да, спасибо, доктор Морроу, — ровно ответил Томми. — Всё функционирует стабильно.

Лиза посмотрела на его длинные, спокойные пальцы, сложенные на коленях. Вспомнила исцарапанный графитом альбом, который он когда-то прижимал к груди, как щит.

— Ты ещё рисуешь? — спросила она неожиданно для самой себя.

— Углём — нет, — спокойно улыбнулся Томми. — Я перешёл на параметрическое черчение. Это полезнее для поступления и не отнимает лишнего ресурса.

Он помолчал секунду, повернул голову к окну, за которым ветер гнал по стеклу косые капли, и тем же ровным, деловым голосом, каким спрашивают расписание автобусов, добавил:

— Доктор Морроу, я хотел уточнить один технический момент. В воскресенье мы с тётей разбирали коробки из старого дома, и я нашёл мамин синий шарф. Подержал его в руках и подумал: по логике, я должен расстроиться или хотя бы заплакать. Но ничего не произошло. Я решил снять «Тишину» на один вечер — просто проверить, помню ли я ещё,

как звучал её голос. Не на видео, а сам по себе.

Лиза замерла с планшетом в руках.

— И что?

— Застёжка не разблокировалась, — так же спокойно пояснил Томми, коснувшись двумя пальцами виска. — Приложение выдало уведомление: после ста часов непрерывного ношения самостоятельное отключение закрыто по пункту семнадцать-четыре пользовательского соглашения. Вы можете снять ограничение со своего терминала?

Лиза быстро открыла карточку пациента и ввела личный врачебный ключ деактивации — тот самый, которым пользовалась ещё на клинических испытаниях. Экран коротко мигнул красным:

«Операция отклонена. Требуется санкция корпоративного администратора (уровень 4)».

Она открыла прикреплённый договор — те самые двести страниц мелкого шрифта, которые когда-то с радостью переложила на блок Сары Кейн. В приложении «В», в самом низу четвёртой колонки, стояла сухая строчка: *«В целях предотвращения синдрома острой нейрологической регрессии по истечении сточасового периода адаптации прекращение использования устройства допускается исключительно по решению комиссии Clearmind».*

— Это какая-то ошибка в прошивке, — быстро сказала Лиза, чувствуя, как на лбу выступает тонкая испарина. — Я сегодня же подниму вопрос в правлении и…

— Не беспокойтесь, доктор Морроу, — мягко перебил Томми, поднимаясь с кресла. Ни тревоги, ни обиды, ни растерянности — только на одно мгновение большой палец правой руки машинально потёр шов на рукаве свитера, старый детский жест, до которого алгоритм ещё не добрался. — Наверное, в регламенте всё просчитано верно. Увидимся в следующем квартале.

Когда дверь за ним закрылась, Лиза вышла в коридор и едва не столкнулась с доктором Вейсом. Директор нёс стопку свежих брошюр с обновлённым логотипом Clearmind — тонкой серебристой снежинкой, вбирающей свет.

— Видели квартальную сводку? — спросил Вейс с ровной, неутомимой приветливостью. — Подростковые правонарушения в городе снизились вдвое. Ваш Томми вообще гордость округа — организовал в школе клуб «Рациональный вектор».

— Артур, он не помнит голос собственной матери, — тихо сказала Лиза. — И он не смог снять обруч. Почему заблокирован мой ключ?

Вейс на секунду замер, чуть склонив голову, будто пытался перевести фразу с чужого языка.

— А зачем ему воспроизводить травматический шум, Лиза? Прошлое — неэффективный носитель. Мечты, тоска, привязанности — всё это просто хаотичный код. Кстати, в новой сборке мы вообще поможем пользователям ставить научно обоснованные цели. Не переживайте так, проверьте

калибровку.

Он кивнул и пошёл дальше по коридору.

Лиза вернулась в пустой кабинет, заперла дверь на защёлку и остановилась перед матовым стеклом приборного шкафа. На неё смотрела ухоженная, спокойная женщина с гладким лбом и безупречно уложенными волосами. Только под грудиной засело что-то тяжёлое и шершавое — не страх, а неясное, царапающее чувство чужой беды, которое не укладывалось в графики.

Она прижала пальцы к виску.

— Калибровка, — прошептала она. — Снизить фоновую тревогу.

Обруч мягко прожужжал, но холод в груди никуда не делся.

Глава 3. Отладка реальности

Вечером, когда большинство отделов уже разошлось, на девятнадцатом этаже штаб-квартиры Clearmind свет загорался узкими полосами по датчикам движения, шаг за шагом выхватывая из полумрака стеклянные переговорные и ровный лозунг на стене холла: *«Ясный разум — предсказуемый мир»*.

Врачебный пропуск Лизы не давал доступа к четвёртому уровню, но она строила архитектуру ядра задолго до прихода крупных фондов и помнила старый сервисный порт отладки, оставленный для стендовых испытаний. В пустой тестовой лаборатории она подключила планшет напрямую к локальной шине архива и ввела забытый ключ разработчика.

Монитор мигнул, выбрасывая столбцы зашифрованных каталогов, которых не было ни в одной клинической схеме.

Лиза всегда считала, что «Тишина» работает замкнуто: ловит зарождающийся лимбический импульс, гасит его на месте и стирает временный буфер. Так было в её исходном коде.

Но в промышленной прошивке буфер не стирался.

За доли секунды до того, как встречный микроимпульс выключал страх, горе, ярость или нежность в сознании носителя, обруч записывал полную нейронную сигнатуру всплеска вместе с частотой пульса, дыханием и фоновым звуком

— и отправлял слепок в облачное хранилище под названием *«Эмоциональный капитал»*.

Лиза открыла реестр коммерческих отгрузок, и пальцы её сами соскользнули с клавиатуры.

Контракт № 001-9T. Заказчик: оборонный подрядчик Ares. Пакет: 140 000 эталонных нейропрофилей острого страха, паники и неконтролируемой ярости. Назначение: обучение моделей нейро-десенсибилизации для операторов боевых беспилотников и алгоритмов акустического подавления.

В самом верху обучающей выборки, в списке наиболее чистых образцов посттравматической паники, стоял знакомый код: *ID T-001*. Ночные кошмары четырнадцатилетнего мальчика из-под обрушенного моста, аккуратно нарезанные на веса для военных систем.

Строчкой ниже светился другой реестр:

Контракт № 045-L7. Заказчик: платформа знакомств и ИИ-компаньонов VitaRomance. Пакет: 320 000 профилей одиночества, влюблённости, тоски и ностальгии. Назначение: калибровка поведенческих сценариев удержания и синтез эмоциональной привязанности.

Сердце Лизы рванулось к горлу; дужка на висках тут же отозвалась горячим, давящим гулом, пытаясь придавить нарастающий пульс. Преодолевая туманную тяжесть за глазами, она вбила в строку поиска собственную фамилию.

Папка *«Л. Морроу»* открылась мгновенно — с золотистой

пометкой *«Эталонный профиль. Высокая когнитивная детализация»*.

12.03.2033 — острый страх клинического провала (интенсивность 9,1). Подавлено. Архивировано.

18.06.2033 — ностальгия / привязанность (интенсивность 7,4; контекст: старые фотографии, голос М.). Подавлено. Передано в кластер VitaRomance.

04.10.2033 — вина / страх утраты (интенсивность 8,3; контекст: диалог на кухне, аудиофрагмент «Лунная соната»). Подавлено. Передано в кластер VitaRomance.

Даже тот вечер с пластинкой, даже крошечная трещина боли, которую она не успела почувствовать, когда за Максом хлопнула дверь, — всё это уже упаковали, разметили и продали сервису знакомств.

Лиза резко ударила ладонью по краю стола, опрокинув пустую кружку. Керамика звонко раскололась об пол.

— Не порти имущество, Лиза, — раздался от дверей негромкий, спокойный голос. — Здесь хорошая акустика.

На пороге стояла Сара Кейн — в кашемировом пальто, с ключами от машины в руке. Её собственный обруч был тоньше серийного и тускло поблёскивал платиной в гладко зачёсанных волосах. Она не выглядела ни испуганной, ни пойманной с поличным. Прошла к кулеру, налила себе полстакана воды и спокойно посмотрела на открытый экран.

— Томми был ребёнком, Сара, — выдохнула Лиза, чувствуя, как слова с трудом продираются сквозь вязкое сопро-

тивление обруча. — Вы продали его кошмары оборонным подрядчикам. Вы превратили клинику в ферму по добыче чужих срывов.

— Не драматизируй, — мягко возразила Сара. — Мы не причинили мальчику ни секунды лишней боли. Наоборот — мы забрали её. А ты действительно думала, что мировую инфраструктуру можно содержать на марже от пластиковых защёлок? Живое человеческое чувство — самый дефицитный ресурс нашего века, Лиза. Его невозможно подделать в фокус-группе. Люди годами врали социологам и маркетологам, а мозг в момент всплеска не врёт никогда.

— А пункт семнадцать-четыре?! — Лиза шагнула вперёд, вцепившись в спинку кресла. — Почему он не может его снять?

Сара чуть склонила голову и коснулась сенсора на стене. Рядом с реестром контрактов раскрылся внутренний медицинский график, которого Лиза никогда не видела.

— Вот почему, — спокойно сказала Сара. — После ста часов непрерывного глушения собственные тормозные контуры мозга ослабевают. Если снять «Тишину» резко, на человека обрушивается тяжёлый нейрологический откат. Обычная уличная грубость или разбитая чашка воспринимаются как катастрофа. Кстати, помнишь, как ты сама в сборке ноль-четыре написала программный замок, чтобы пациенты в панике не срывали электроды во время приступа?

У Лизы похолодели пальцы.

— Я писала его для острой фазы в стационаре…

— А мы сделали его стандартом безопасности, — улыбнулась Сара, почти с благодарностью. — Он спас компанию. Никаких исков из-за срывов — и стопроцентное продление подписки. Завтра мы представляем «Тишину 3.0» с функцией «Забвение». Люди будут платить сами, Лиза. Без угроз и конвоя. Они уже стоят в очереди.

Она подошла ближе — спокойная, безупречная, пахнущая дорогим сухим парфюмом.

— Послушай меня внимательно. Ты носишь обруч дольше всех в этом здании — почти полтора года. Если ты снимешь его сейчас, тебя раздавит всем, что ты откладывала восемнадцать месяцев. Зачем? Завтра утром войди в правление. Три процента акций, полное руководство архитектурой третьей версии, и я лично удалю твою личную папку из всех коммерческих кластеров. Ты всё равно уже не сможешь жить в прежнем шуме.

Лиза отступила к двери, не сводя с неё глаз.

— Вы не лечите людей, Сара. Вы сдаёте их в аренду — вместе с их тишиной.

Сара только устало пожала плечами. Она даже не попыталась остановить её в коридоре.

Лиза почти бегом добралась до пустой туалетной комнаты, защёлкнула замок на кабинке и обеими руками схватилась за дужку у висков. Попыталась нащупать скрытый язычок фиксатора, потом хрипло бросила голосовую команду

разработчика:

— Деактивация! Отмена протокола, код ноль-один!

В костях черепа резанул короткий, ослепляюще-тонкий акустический импульс — не смертельный, но такой резкий, что перед глазами поплыли белые круги и подкосились колени. Экран телефона в кармане засветился красным уведомлением:

«Профиль: Л. Морроу. Административная блокировка (пункт 17.4). Попытка принудительного снятия пресечена во избежание акустического шока».

Она сползла спиной по холодному кафелю, тяжело дыша. Свой собственный замок. Каждая строчка предохранителя, написанная из добрых намерений, теперь держала её за голову мёртвой хваткой.

Прямо внутри ушной кости, через крошечный динамик дужки, мягко и беззлобно прозвучал голос Сары:

— Езжай домой, Лиза. Выспись. Протокол сейчас выровняет кортизол, и к утру ты сама поймёшь, что спорить не о чем.

Перед тем как выйти из здания, Лиза успела выдернуть из терминала диагностический накопитель с копией реестра Ares и VitaRomance. Сара то ли не заметила его в темноте, то ли была уверена, что он всё равно никому не пригодится.

На улице накрапывал холодный дождь. Лиза шла по мокрому тротуару, не раскрывая зонта, а в висках ровно и настойчиво стучала одна и та же строка: *«Административная*

блокировка».

У автобусной остановки рядом с парком маленькая девочка выронила на асфальт рожок с мороженым и громко, навзрыд расплакалась, размазывая слёзы по щекам. Её мать — с аккуратным серебристым обручем в волосах — даже не присела к ней и не обняла за плечи. Просто ровно, без тени раздражения или жалости произнесла:

— Не плачь. Я куплю другое через три минуты.

Лиза остановилась под козырьком закрытой булочной, достала промокший телефон и нашла в списке имя Макса. Палец на секунду замер над зелёной кнопкой. Потом она нажала вызов.

Гудки тянулись нестерпимо долго. Наконец в трубке щёлкнуло, и раздался хрипловатый, усталый, чуть настороженный голос — живой до боли:

— Лиз? Что случилось? Ты где?

Она прижалась лбом к мокрому стеклу витрины и впервые за много месяцев не стала скрывать, что голос у неё срывается:

— Макс… ты в мастерской? Пожалуйста. Мне нужно снять его.

Глава 4. Эмоциональный всплеск

Чтобы срезать путь к мастерской Макса, Лиза пошла через парк «Штиль» — образцовую городскую зону, которую Clearmind открыла прошлой весной. Среди подстриженного самшита прятались невысокие серые тумбы акустических излучателей: они гасили уличный гул встречной волной, так что в центре парка стояло странное, ватное безветрие, будто под стеклянным колпаком. По ровным прорезиненным дорожкам под мягким светом фонарей беззвучно шли редкие прохожие. На скамейке двое подростков сидели плечом к плечу, не произнося ни слова, спокойно глядя в экраны.

И вдруг эту ватную тишину прорвал резкий, срывающийся женский крик:

— Я два месяца на него откладывала! Ты вообще под ноги смотришь?!

У сухой каменной чаши фонтана стояла невысокая женщина в потёртой дождевой куртке — без обруча. В руке она сжимала недорогой телефон с треснувшим в паутину экраном, другой рукой держала за рукав мальчишку лет восьми. Мальчик всхлипывал, размазывая по щеке грязь мокрым рукавом.

Лиза остановилась в десяти шагах, не в силах сдвинуться с места.

Прошло не больше трёх секунд — и ярость женщины пе-

реломилась так же стремительно, как вспыхнула. Она опустилась на одно колено прямо на мокрую плитку, выдернула из кармана мятую бумажную салфетку, неловко, почти сердито вытерла сыну нос и вдруг крепко прижала его голову к своему плечу.

— Ну всё, всё, хватит реветь, — пробормотала она, уже сама глотая слёзы. — Железяка же, бог с ней. Иди сюда, дурачок.

В висках у Лизы резануло глухим, настойчивым звоном: дужка изо всех сил пыталась погасить вспыхнувшую в ней волну — жгучую, некрасивую, горькую зависть. Она сама не заметила, как сделала два шага ближе.

— Простите… — вырвалось у неё. — Вы не носите «Тишину». Почему?

Женщина подняла покрасневшие глаза, смахнула тыльной стороной ладони дождь со лба и окинула Лизу с её серебристым обручем коротким, усталым взглядом:

— Ага, за двести долларов в месяц, чтобы потом на собственного сына смотреть, как на шкаф? Спасибо, обойдусь. Я уж как-нибудь сама накричу и сама обниму.

Она взяла мальчика за руку и повела к выходу из парка. Ребёнок один раз оглянулся через плечо — зарёванный, раскрасневшийся, настоящий.

* * *

Мастерская Макса находилась в двух кварталах за границей акустической зоны, в полуподвале за старой химчисткой.

Внутри пахло тёплой канифолью, влажной пылью от старых конвертов пластинок и кедровой стружкой. На длинном верстаке теснились разобранные проигрыватели, старый осциллограф с зелёной шкалой, коробочки с винтами, а на плитке в углу тихо закипал чайник.

Макс встретил её у двери. Ни слова упрёка, никаких громких фраз — просто посмотрел на её побелевшие губы, молча подал сухое полотенце и кивнул на деревянный табурет под жёлтой настольной лампой.

— Ты уверена, Лиз? — спросил он негромко, доставая из ящика тонкие ювелирные клещи и рулон медной экранирующей сетки. — Я читал на форумах про откат после снятия.

Лиза коротко, сбивчиво рассказала ему всё: про Томми, про пункт 17.4, про реестр Ares и VitaRomance, про собственный вечер с «Лунной сонатой», разобранный на поведенческие маркеры. Потом объяснила, как обойти предохранитель, который сама когда-то писала.

— Сначала накрой дужку медной сеткой в два слоя, чтобы обрубить связь с сервером — иначе придёт удалённая команда на блокировку. Потом поддень изолированной отвёрткой левый стык корпуса за ухом. Там шлейф питания, миллиметра три шириной. Перережешь его до того, как разомкнёшь магнитный замок, — и шоковый импульс не успеет сработать.

Макс кивнул. Его тёплые, чуть шершавые пальцы осторожно отвели её мокрые волосы, обернули титановую дуж-

ку мягкой медной тканью. Лиза зажмурилась, вцепившись в край деревянного табурета.

— Больно будет? — шёпотом спросила она.

— Потерпи секунду, — так же тихо ответил Макс. — Сейчас.

Сухой, едва слышный щелчок тонких кусачек. На долю секунды в глубине ушей свистнуло разряжающимся конденсатором — и сразу после этого наступила совсем другая тишина. Исчез едва заметный фоновый гул, к которому она настолько привыкла за полтора года, что перестала его слышать.

Макс расстегнул безжизненный магнитный фиксатор и положил серебристый обруч на резиновый коврик верстака. За ушами у Лизы осталась только бледная вдавленная полоска.

Три секунды ничего не происходило.

А на четвёртой мир рухнул на неё целиком, без прокладок и фильтров.

Первыми ударили звуки — резкие, оглушительные, живые: шипение закипевшего чайника, дробь дождя по стеклу полуподвального окна, далёкий гудок мусоровоза, сухое тиканье старых настенных часов. Сердце пошло вразнос, ударяя в горло так сильно, что перехватило воздух.

Следом хлынуло всё, что полтора года аккуратно сбрасывали в корпоративный архив.

Вспомнилось, как тяжело и тепло лежала у неё в ногах ста-

рая рыжая собака Дейзи — и как после её смерти Лиза три дня носила в кармане пальто потёртый кожаный ошейник, не решаясь убрать его в шкаф. Вспомнился нелепый, заразительный смех Макса в той холодной парижской комнате, когда она уверяла его, что хромой голубь на карнизе выпитый её научный руководитель. И следом — ледяной, удушающий ужас оттого, что она своими руками надела на голову четырнадцатилетнему мальчику и миллионам других людей.

Колени не выдержали; Лиза качнулась вперёд, вцепилась в край верстака и разрыдалась — громко, с хрипом, захлёбываясь слезами и воздухом, вся дрожа от стыда, страха и внезапного, почти нестерпимого облегчения.

Макс опустился на пол рядом с табуретом, обнял её за плечи, притянул к себе, давая уткнуться мокрым лицом в его фланелевую рубашку. Впервые за долгие месяцы она по-настоящему увидела его лицо так близко: свежие седые нитки на висках, усталые морщинки у глаз, жилка, быстро бьющаяся на шее.

— Прости меня, — выдохнула она сквозь рыдания, сжимая ткань у него на груди. — Они забрали даже твой смех… я сама отдала его.

— Вернулась — и ладно, — хрипло сказал Макс, прижимая ладонь к её затылку. — Дыши, Лиз. Просто дыши. Никуда не торопись.

Через десять минут дрожь немного утихла, хотя руки всё ещё оставались ледяными. Лиза вытерла лицо рукавом, по-

смотрела на мёртвую серебристую дужку рядом с осциллографом и медленно вытащила из кармана пальто маленький чёрный накопитель.

— Завтра в десять у них презентация «Тишины 3.0», — тихо сказала она. — С прямой трансляцией на все площадки. Сара выведет Томми в первый ряд как живую витрину. Она думает, я сейчас сплю под калибровкой, а утром приду подписывать контракт. Мой пропуск соучредителя ещё не закрыли.

Макс посмотрел на накопитель, потом на её покрасневшие, наконец-то живые глаза, и тяжело вздохнул.

— Я не умею взламывать корпоративные серверы, Лиз.

— И не надо, — ответила она, сжимая флешку в кулаке. — Мне нужен только человек, который знает, как в аппаратной переключить живой пульт на резервный вход.

Глава 5. Белый шум

Стеклянный атриум башни Clearmind утром заливал ровный рассеянный свет. Пятьсот приглашённых сидели полукругом в одинаковых светлых креслах; под высоким потолком бесшумно скользили операторские дроны, а позади сцены светилась двенадцатиметровая панель с серебристой снежинкой и подписью: *«Тишина 3.0. Забвение — это забота»*.

Почти у каждого в зале на висках поблёскивал металл.

В первом ряду, прямо напротив центральной камеры, сидел Томми — с идеально прямой спиной и спокойно сложенными руками.

Служебный пропуск Лизы действительно сработал без задержки. С Максом, оформленным как приглашённый акустический консультант, они поднялись технической лестницей в застеклённую аппаратную над залом. Внутри дежурил всего один инженер трансляции — с серебристой дужкой в волосах и ленивой, безмятежной полуулыбкой. Когда он без спешки отошёл к кофемашине в дальнем углу, Макс за двадцать секунд нашёл физический разветвитель на стойке, перекинул резервную линию экрана на диагностический адаптер Лизы и вывел свободный канал ручного микрофона напрямую в обход корпоративной задержки эфира.

— Готово, — шепнул он ей в гарнитуру, когда Лиза уже спускалась к боковому проходу зала. — У тебя от силы две

минуты, пока охрана не поймёт, что пульт перехвачен.

На сцене Сара Кейн как раз завершала презентацию новой функции «Забвение» — бережного отключения болезненных воспоминаний по ежемесячной подписке. По залу прокатились ровные, вежливые аплодисменты — ни одного выкрика, ни одного сбившегося хлопка.

В эту секунду гигантская панель за спиной Сары мигнула и погасила снежинку.

На двенадцатиметровом экране высветились сухие чёрно-белые таблицы: *«Эмоциональный капитал»*, *«Контракт Ares — пакет T-001»*, *«Контракт VitaRomance — профиль Л. Морроу»*, и крупно выделенный абзац пункта 17.4 о принудительной блокировке снятия и нейрологическом откате.

Лиза быстро вышла в центральный проход с микрофоном в одной руке и разорванной серебристой дужкой в другой.

— Не переключайте, — её голос разнёсся по залу и ушёл в прямой эфир — дрожащий, хриплый, непривычно громкий. — Меня зовут Лиза Морроу. Я придумала «Тишину». И я прошу вас посмотреть на экран, пока его не выключили!

Она остановилась у края сцены, чувствуя, как по щекам снова бегут горячие слёзы, и не пытаясь их стереть.

— Они не лечат вас! После ста часов обруч запирается — вы сами уже не сможете его снять, потому что вас накроет откат! Каждую вашу боль, каждый кошмар, каждую ночь, когда вы плакали по близким, они записывают и продают военным подрядчикам и рекламным сервисам! Посмотрите на

мальчика в первом ряду! Это пациент номер один — он хотел вспомнить голос своей погибшей матери, и система не дала ему выключить прибор! Снимите их! Снимите прямо сейчас, пока вы ещё помните, кто вы!

Она перевела дыхание, ожидая криков, суеты, шёпота, вскочивших с мест журналистов.

Но в зале не шелохнулся ни один человек.

Никто не ахнул. Никто даже не обернулся к соседу.

В полумраке зрительных рядов пятьсот крошечных светодиодов на пятистах серебристых дужках одновременно мигнули мягким голубым светом.

Сверху, из встроенных потолочных излучателей, пролился короткий, убаюкивающий аккорд.

Наверху, в стеклянной аппаратной, Макс застыл перед контрольным монитором прямой трансляции. На публичном экране его лицо отражалось бледным пятном поверх бегущей ленты комментариев.

Он видел, как встроенный фильтр прошивки 2.1 сработал сам, без участия модераторов. Алгоритм распознал срывающийся тембр Лизы, её покрасневшее лицо и прерывистое дыхание как *«нерегулируемый эмоциональный стресс класса B»*. Для всех зрителей в зале и для миллионов подключённых к эфиру её отчаянный крик мгновенно приглушился, превратившись в мягкий, едва различимый шёпот, похожий на далёкий дождь, а само изображение затянуло деликатной матовой дымкой.

По правой стороне монитора спокойно и ровно плыли строчки чата:

«Активирован адаптивный фильтр стресса. Аудиопоток сглажен».

«Какое счастье, что обновил прошивку утром — пульс даже не шелохнулся».

«Бедная женщина, явно пропустила калибровку. Вот зачем нужна третья версия».

«Подскажите, скидка в первый час действует только на годовой тариф?»

Внизу Лиза бросилась к первому ряду и опустилась на колено прямо перед креслом Томми, уже не поднося микрофон ко рту.

— Томми! — выдохнула она, пытаясь поймать его взгляд. — Ты же сам приходил ко мне вчера! Синий шарф, Томми, вспомни! Ты хотел её услышать!

Подросток посмотрел на неё спокойно и чуть отстранённо. На долю секунды между его бровями пролегла едва заметная складка — словно что-то внутри всё же дёрнулось навстречу знакомому голосу. Потом дужка за его ухом мягко моргнула голубым. Складка разгладилась.

Томми неторопливо коснулся виска, чуть подкручивая локальное шумоподавление, перевёл взгляд на настенные часы и вежливо произнёс:

— Доктор Морроу, у вас острый эпизод дисбаланса. Вам стоит вернуться в клинику.

Лиза медленно выпрямилась, глядя на сотни безмятежных, вежливых лиц. У них в руках не было оружия, над ними не стояли надзиратели. Им просто больше не хотелось слышать чужую боль.

На сцене Сара Кейн даже не отошла от трибуны. Она сделала короткий плавный жест двум безоружным распорядителям в серых пиджаках — без спешки, без грубости — и тихо бросила в петличный микрофон режиссёру трансляции:

— Вторую камеру не выключать. Держите крупный план.

Распорядители аккуратно, почти бережно взяли Лизу под локти и вывели через стеклянную боковую дверь на прохладную улицу. В зале никто даже не проводил её взглядом. Позади, за плавно закрывшимися створками, снова зазвучал тёплый, сочувствующий голос Сары — она мягко благодарила аудиторию за терпение после «незапланированной, но такой показательной демонстрации того, ради чего мы сегодня собрались».

Эпилог

Прошло три недели.

Clearmind не подала в суд и не вызвала полицию. Через два дня после презентации юристы прислали на почту вежливое уведомление о расторжении контракта по медицинским показаниям — «синдром тяжёлого профессионального выгорания и острая реакция отмены» — и перевели положенное по договору выходное пособие. Корпорации не нужно было сажать в тюрьму человека, чей голос мир сам автоматически переводил в белый шум.

Они с Максом сняли небольшую старую квартиру на шумной окраине, за пределами тихих кварталов. Каждые двенадцать минут под окнами с лязгом проходил трамвай, отчего тонко подрагивали стёкла, а по ночам ворчала старая батарея. На подоконнике лежал потёртый кожаный ошейник Дейзи. На тумбочке медленно крутилась виниловая «Лунная соната» — с тем самым тихим щелчком перед финалом.

Лиза сидела за деревянным столом с обычной бумажной тетрадью — старым дневником, который Макс сберёг среди коробок при переезде. На раскрытой странице чернила чуть выцвели от времени:

«12 марта 2031. Макс назвал меня упрямым роботом с мечтой, когда я снова забыла поужинать. Я разозлилась, а потом мы час гуляли под дождём без зонта и ели горячие

каштаны из бумажного кулька».

На страницу упала капля, размыв хвостик последней буквы. Лиза не стала сразу вытирать глаза. Все чувства теперь приходили к ней без скидок — горечь, стыд за Томми, бессильная злость, страх перед завтрашним днём. Но вместе с ними вернулось ощущение, что руки, дыхание и каждый прохладный глоток воздуха снова принадлежат ей самой.

Перед завтраком они вышли в булочную за углом. Мелкий дождь колол щёки; с мокрого тротуара тянуло прелой хвоей, свежим хлебом и выхлопом проезжающих машин.

В полуквартале от пекарни Лиза остановилась и не смогла сделать следующий шаг.

На противоположной стороне улицы, над стеклянным фасадом нового флагманского салона Clearmind, на всю ширину витрины шёл свежий рекламный ролик «Тишины 3.0».

На гигантском экране в замедленной, почти кинематографичной съёмке мелькнуло её собственное лицо — тот самый крупный план со второй камеры. Слёзы на щеках, дрожащие пальцы, сжимающие сломанный обруч, губы, раскрытые в беззвучном отчаянии. Её голос вырезали целиком; вместо него тихо, печально тянула ноту одинокая виолончель.

Потом по экрану прошла мягкая серебристая волна, растворяя чужое горе в чистом белом свете, и над мокрой улицей поплыл знакомый, тёплый голос Сары Кейн:

«Даже те, кто создаёт будущее, не защищены от боли прошлого. Срывы случаются. Память ранит. Новая „Тиши-

на 3.0“ с бережным архивированием воспоминаний поможет отпустить лишнее — раз и навсегда. Оформите подписку в течение часа и получите первый месяц бесплатно».

Прямо под экраном, под одинаковыми прозрачными зонтами, тянулась вдоль тротуара ровная, безмолвная очередь — человек сорок. Никаких патрулей, никакого принуждения. Обычные усталые люди спокойно ждали девяти утра, чтобы войти внутрь и купить себе покой.

Лиза вдруг негромко рассмеялась — коротко, горько, на грани всхлипа.

— Знаешь, что самое нелепое? — сказала она, не отрывая взгляда от своего заплаканного двойника на витрине. — Название «Тишина» придумала я. Мне казалось, это звучит красиво.

Макс осторожно взял её холодную ладонь в свою и крепко сжал пальцы.

— Они могут крутить картинку сколько угодно, Лиз. Но то, что мы помним, — наше. Этого у нас никто не заберёт.

Постскриптум

Ровно в девять стеклянные двери салона мягко разъехались в стороны. Над стойкой администратора тихо перещёлкнул светящийся счётчик активных подписок на третью версию: 4 182 904.

Спустя несколько минут один из первых посетителей вышел обратно на мокрый тротуар, держа в руке небольшой белый бумажный пакет с серебристой снежинкой. Это был Томми.

Мимо с шипением пронёсся городской автобус, обдав бордюр веером брызг. Мальчик невольно поднял голову, и на одну короткую секунду их взгляды встретились через узкую мокрую улицу.

По лицу Томми скользнула едва уловимая тень — крошечная вертикальная складка между бровей, словно он попытался ухватить хвост давнего сна или вспомнить тембр голоса, который когда-то знал наизусть.

Потом серебристая дужка за его ушами мигнула мягким голубым светом.

Складка исчезла. Томми спокойно, без тени узнавания посмотрел сквозь Лизу, раскрыл прозрачный зонт и растворился в тихой утренней толпе.

«Сны на заказ»

Пролог

«Сны — последнее убежище человека. Хватит тратить их впустую».

— Из рекламной кампании OneiroMarket, весна 2036 года.

Глава 1. Покупатель

Виола сидела на широком подоконнике, подтянув колени к подбородку, и смотрела на мокрую улицу пятнадцатью этажами ниже. По фасаду дома напротив медленно ползла голубая вывеска круглосуточной аптеки; её свет пробивался сквозь щель в шторе и резал комнату косой полосой, выхватывая остывшую кружку на столе, стопку неразобранных квитанций и фотографию матери в узкой чёрной рамке.

Пальцы сами потянулись к виску — к тонкому матовому ободку нейропорта, утопленного в кожу у самой линии волос. Шов давно затянулся, но к перемене погоды металл всё равно ныл, напоминая о тусклом свете частной клиники и холодном геле перед местной анестезией.

На ладони лежала крошечная капсула доступа — гладкий серый чип размером с яблочную косточку, уже согревшийся от её кожи. Виола купила его три часа назад в узком переулке за старым рынком, у сутулого перекупщика с постоянным кашлем и запахом мятных леденцов. Тот вертел чип в жёлтых пальцах, прежде чем протянуть ей:

— Уверена, что тебе нужен именно OneiroMarket? Официальные пакеты стоят как полквартиры, а с серым доступом всегда лотерея. На прошлой неделе парень с верхнего уровня проснулся — и три дня не мог вспомнить имя собственной сестры. Зато их рекламную мелодию напевал без запинки.

Виола тогда молча перевела деньги и сунула капсулу в карман.

Сейчас она поднесла чип к виску и аккуратно нажала до сухого щелчка. На полсекунды в глазах поплыла тонкая рябь, а экран планшета на подоконнике ожил, заливая полумрак тёплым янтарным светом. Появился знакомый логотип OneiroMarket — стилизованная ресница, изогнутая полумесяцем.

В кости черепа, минуя уши, мягко зазвучал бархатный синтезированный голос:

«Биометрия считана. Повышенный кортизол, дефицит глубокой фазы сна. Рекомендуем раздел „Ностальгия“. Специально для вас сегодня действует скидка двадцать процентов».

— Выключи сопровождение, — негромко сказала Виола. Голос тут же оборвался.

Она пролистала каталог. Короткие превью-карточки всплывали на экране мягкими, соблазнительными окнами в чужие жизни:

«Лето у бабушки» — 1 990 кр. Теги: запах скошенной травы, тёплое молоко, скрип деревянных качелей, дневная дремота.

«Первый поцелуй у моря» — 2 990 кр. Примечание: в течение сорока восьми часов возможен фантомный солёный привкус и лёгкая рассеянность.

«Счастливая семья» — 5 990 кр. Ограничение: не рекомен-

довано детям до двенадцати лет во избежание путаницы биографической памяти.

На третьей строчке палец Виолы сам собой остановился.

Точно такой пакет мать взяла ей на пробу, когда Виоле было четырнадцать и отец только ушёл из дома, оставив после себя пустую вешалку в прихожей. Три ночи подряд Виола засыпала и попадала в солнечный двор, где высокий, чуть сутулый мужчина учил её держать равновесие на велосипеде, а вечером читал вслух приключенческие повести. Всё рухнуло на четвёртое утро, когда тот идеальный отец из сна, поправляя одеяло, ласково назвал её Катей. Одной чужой строчки хватило, чтобы проснуться в слезах и неделю не подходить к планшету.

И всё-таки сейчас даже та чужая нежность казалась лучше глухой тишины в квартире.

Она прокрутила страницу ниже, в закрытый раздел «Редкие архивы», пока не увидела нужную карточку:

«Детство в облаках» — 8 990 кр. «Мамин голос, яблочный пирог с корицей, свет на старых обоях… Я будто действительно вернулась домой» — подтверждённый отзыв покупателя.

Почти вся её месячная аренда за одну ночь. Виола раскрыла вкладку с техническим описанием. В самом низу, бледно-серым шрифтом, тянулась стандартная оговорка: *«Для максимальной глубины сенсорного отклика система использует комбинированную архитектуру на базе сертифициро-*

ванных эмоциональных доноров».

Эмоциональные доноры. Аккуратное, почти медицинское слово — как будто речь шла о сдаче плазмы.

Виола закрыла глаза и попыталась сама, без чипа, вспомнить запах того самого маминого пирога. Но память упрямо подсовывала другое: узкую палату в старом корпусе Госпиталя Святого Иуды, тусклую лампу над изголовьем, запах крахмального белья и тонкие прозрачные трубки, уходящие под пластырь на мамином предплечье. Марина Орлова сжимала её ладонь сухими, холодными пальцами и шептала торопливо, словно боялась не успеть до прихода дежурной сестры:

— Не плачь, Виола. И не покупай их игрушки… Я и так останусь в твоих снах. Настоящая я.

Тогда Виола решила, что мать заговаривается от высокой температуры.

Она коснулась кнопки оплаты. Поверх экрана развернулось пользовательское соглашение на восемь экранов. Виола пролистала его одним взмахом, зацепив взглядом только короткий список исключений:

OneiroMarket и головная компания SinOpsis не несут ответственности за:

1. Временную фрагментацию личных воспоминаний.

2. Эффект наложения чужого сенсорного опыта.

3. Спонтанное воспроизведение сновидений при пробуждении.

4. Эмоциональное истощение и затяжную депрессию.

— Да ладно, — пробормотала она, нажимая «Принять», и положила планшет на край стола.

Над комодом тихо мигнул бытовой проектор — сработало вечернее расписание, которое она всё никак не решалась отключить. В полумраке соткалась полупрозрачная фигура матери, собранная по семейным видео из облака. Та же мягкая, слишком ровная улыбка. Тот же чуть металлический голос, повторяющий одну из шести записанных реплик:

— Ты моя любимая девочка. Не забывай ужинать.

Виола резко махнула рукой над датчиком, и проекция исчезла.

— Мама пахла сушёной лавандой из шкафа, — сказала она пустой комнате. — А эту штуку она бы давно выкинула на помойку.

За виском мягко, почти ласково потянуло теплом.

«Транзакция подтверждена. Запуск погружения. Приятной ночи».

Виола легла на кровать, не раздеваясь, и натянула плед до подбородка. Контуры потолка поплыли, словно на него смотрели через тёплое стекло. Внутри головы неслышно пошёл обратный отсчёт — пять, четыре, три… Она хотела дотянуться до стакана с водой на тумбочке, но пальцы уже стали тяжёлыми и чужими.

А за секунду до того, как комната исчезла, в тёплом воздухе откуда-то взялся густой, живой запах сухой лаванды — тот самый, которого в этой квартире не было уже два года.

Глава 2. Продавец

Элиот проснулся от резкого, жгучего укола в основание черепа. Он рванулся вверх, хватая ртом спёртый воздух с привкусом мокрой меди; майка прилипла к спине от холодного пота. Над самой подушкой, тихо пощёлкивая сервоприводами, отводил от его затылка гибкие трубки «Сборщик» — громоздкий серый кронштейн на потолочной рельсе, арендованный у OneiroMarket в счёт будущих выплат.

— Да отцепись уже, — хрипло выдохнул он, ткнув пальцем в кнопку аварийного сброса на браслете.

Затылочный порт отозвался тупой, тянущей болью, будто из-под кожи вытащили слишком плотный штекер. Разъём с влажным щелчком отстыковался и уехал вверх, оставив на наволочке пару мутных голубоватых капель контактного геля. Каждый раз после шестичасового сеанса Элиоту требовалось минут десять, чтобы снова почувствовать собственные руки и вспомнить, какой сегодня день недели.

Его жилая ячейка в Силиконовых трущобах едва вмещала кровать, узкий стол и пластиковый шкафчик. Модульные блоки в этом квартале лепили вплотную, этаж на этаж, так что в узкие щели между стенами почти не добирался дневной свет. Треснувшее окно он ещё осенью затянул плотной плёнкой; сквозь неё в комнату просачивался грязно-розовый отсвет вывески напротив: *«Ремонт нейропортов. Недорого.*

Без чека». У изножья кровати скопилось несколько помятых банок из-под дешёвого лимонного энергетика, а на столе рядом с надколотой кружкой мигал рабочий терминал курьерской службы QuickDrop.

Элиот спустил ноги на холодный линолеум и потянулся за планшетом. Пальцы мелко подрагивали — обычный отходняк после глубокой выгрузки. Он открыл утреннюю сводку «урожая».

Сессия № 479. Длительность: 6 ч. 12 мин.

Плотность сенсорного отклика: 9,8 / 10 (пиковый профиль).

Исходная категория: ночной кошмар / острое выживание.

Коммерческая ценность: высокая.

Элиот сухо усмехнулся. Он понятия не имел, что именно ему снилось сегодня ночью. Таково было жёсткое условие контракта OneiroMarket: при выгрузке «Сборщик» подчищал кратковременный буфер донора, чтобы сон оставался «эксклюзивным активом». На прошлой неделе в открытой ленте отзывов он случайно наткнулся на чужой восторг под своим номером: *«Сон 478 — полёт над рушащимся мегаполисом — это что-то невероятное! Ветер в лицо, сердце в пятки, десять из десяти!»* Сам Элиот из той ночи помнил только сухость во рту и свинцовую усталость в плечах.

В верхнем углу профиля светился значок «Донор месяца» — третий раз подряд. Чем выше поднимался его рейтинг,

тем глубже становились провалы по утрам: иногда он минуту стоял у раковины, не сразу узнавая в зеркале собственную скулу. Старый техник в подпольной мастерской, ставивший ему порт два года назад, предупреждал прямо: *«Не ведись на их премии, парень. Им нужны не твои сказки — им нужен чистый адреналин, пока нервы ещё живые. Выжмут досуха и спишут»*.

Но выплаты за сны закрывали ежемесячный взнос по старому кредиту отца — того самого, которого пять лет назад заменили автоматической линией на сборочном заводе, после чего он надорвал сердце на трёх ночных подработках и не дождался операции.

«Лучше отдавать им ночи, чем дни», — привычно сказал себе Элиот и вскрыл банку энергетика.

Планшет коротко пискнул. Входящий видеовызов: Грег, диспетчер с его участка QuickDrop. Элиот поморщился и нажал ответ. Над экраном всплыло лоснящееся лицо с трёхдневной щетиной.

— О, спящая красавица продрала глаза! — усмехнулся Грег, жуя что-то на ходу. — Опять смену пропустил? Старший сказал: ещё одно опоздание — и твой район отдадим автономным дронам. Они не просыпают и больничных не просят.

— Через сорок минут буду на складе, — ровно ответил Элиот.

— Стой, не сбрасывай, — Грег пригнулся ближе к камере

и понизил голос. — Слышал, ты на прошлой неделе выдал какой-то жуткий хоррор с падением с крыши. Скинь черновик, если остался, ребятам покажу.

— У меня нет черновиков, Грег. И голова у тебя работает хуже дрона.

Элиот сбросил вызов. Его мутило от этих разговоров — от мысли, что чужие люди за деньги примеряют на себя его панику, как аттракцион на ярмарке.

Планшет пискнул снова. Новое уведомление от OneiroMarket. Элиот открыл его, ожидая привычную квитанцию о зачислении, — и замер.

«Сессия № 479 заморожена. Начисление: 0 кр.»

«Причина: зафиксировано несанкционированное встречное подключение стороннего абонента во время выгрузки. Передача прервана».

«Предупреждение № 1: повторное нарушение регламента повлечёт бессрочную блокировку аккаунта и удержание стоимости оборудования».

— Что за чушь?! — Элиот резко поднялся, задев локтем банку. Сладкая лимонная пена поползла по столу и закапала на пол. — Какое ещё подключение?

Он торопливо открыл журнал ошибок. У него не стояло никаких пиратских прошивок, никаких обходов — он был образцовым донором, который боялся даже лишний раз тронуть настройки порта.

Почти весь технический отчёт оказался забит битыми

строками, но один короткий фрагмент система затереть не успела:

…[СБОЙ БУФЕРА]… встречный запрос фрагментации от абонента V-7713… целевой пакет: «Детство в облаках»… [КОНФЛИКТ СЛОЁВ: ОШИБКА 404]…

Абонент V-7713.

И в ту же секунду, вопреки правилам «Сборщика», из стёртой ночи вдруг прорвался обрывок — такой резкий, что Элиот невольно ухватился за край стола.

Бесконечный узкий коридор из мутных, покоробленных зеркал. Липкий холодный пол. И в одном из отражений — не его лицо, а незнакомая пожилая женщина с аккуратно убранными седыми волосами. Она не пугала и не кричала; она просто смотрела прямо на него с такой пронзительной, тихой тревогой, словно узнала его, а он забыл о ней что-то жизненно важное. И поверх этого взгляда вспыхнули три сухие цифры: 404.

У основания черепа застучало так сильно, что потемнело в глазах.

Планшет в его руке коротко мигнул и сбросил журнал ошибок. Вместо текста на экране развернулось тусклое серое видео — снятое сверху, прямо из-под потолка. Элиот увидел собственную ссутулившуюся спину, пролитый на стол энергетик, узкую кровать с комком простыни.

Объектив на корпусе «Сборщика» был включён.

Поверх живой картинки ровно, буква за буквой, просту-

пила красная служебная строка:

«Субъект 479-К демонстрирует аномальную остаточную память. Протокол наблюдения активирован».

Элиот медленно поднял голову. Над кроватью, в матовом корпусе потолочного кронштейна, ровно и спокойно горел крошечный красный диод. Он больше не был просто продавцом снов. В глазах компании он стал неисправным носителем.

Глава 3. Глюк

Сон начался слишком ровно.

Виола стояла посреди залитой утренним солнцем кухни. В воздухе плавал густой, тёплый запах печёных яблок и корицы; за открытой форточкой возились воробьи, а у плиты, спиной к ней, стояла мать — молодая, без болезненной худобы, в старом ситцевом фартуке. Всё совпадало до мелочей: выцветшие обои с мелкими ромашками, пузатый радиоприёмник на крышке холодильника, даже крошечный скол на эмалированной миске.

Именно от этой безупречности у Виолы вдруг похолодели ладони. Настоящая память так не работает — в живых воспоминаниях всегда чего-нибудь не хватает, углы размыты, а лица чуть ускользают. Здесь же каждый миллиметр был прорисован как на выставочной витрине.

Старый радиоприёмник вдруг захрипел, проглотив мелодию. Вместо негромкого фортепиано из динамика потянулся сухой, нарастающий электрический треск. Запах корицы на секунду перебил чужой, резкий привкус дешёвого лимонного энергетика и сырого бетона.

Мать медленно повернулась к ней. Улыбка осталась прежней, но в уголках глаз не дрогнула ни одна морщинка, а зрачки на мгновение стали плоскими и неподвижными.

— Всё хорошо, милая? — спросила она. Голос чуть раз-

двоился, словно две дорожки на плёнке разошлись на долю секунды.

— Мама… — прошептала Виола, отступая на шаг к столу.

Свет за окном мигнул и погас, как перегоревшая лампа. Обои в ромашках пошли крупной зыбью и посыпались серыми лоскутами, обнажая за собой не бетонную стену, а тёмную, дрожащую пустоту с бегущими строками сервисных логов. Тёплый дощатый пол перестал держать вес — Виола провалилась вниз, в ледяной сквозняк.

Удар пришёлся на пятки. Она с трудом удержала равновесие и огляделась.

Никакой кухни больше не было. Вокруг тянулся узкий, бесконечно длинный коридор со стенами из тусклых, чуть выгнутых зеркал. Сверху капала холодная вода, а в воздухе висело удушливое, звериное ощущение погони — чужой, липкий страх, от которого сводило челюсти, хотя сама Виола даже не понимала, чего боится.

— Остановить сессию! — крикнула она. Голос отскочил от зеркал, но вернулся ниже, хриплее — мужским. — Отмена! Выруби это!

Она схватилась за височный порт. Под кожей жгло, будто прижали раскалённую монету. Прямо перед глазами, поверх мутных зеркал, вспыхнули резкие красные строки системного сбоя:

«КОНФЛИКТ СЛОЁВ: АБОНЕНТ V-7713 / ДОНОР 479-К. ПРИНУДИТЕЛЬНАЯ ИЗОЛЯЦИЯ».

«ОШИБКА 404: БАЗОВЫЙ ПАКЕТ „ДЕТСТВО“ ПОВРЕЖДЁН».

Виола шарахнулась к ближайшему зеркалу — и замерла. В мутном стекле за её плечом стоял незнакомец: худой парень лет двадцати пяти в промокшей тёмной куртке, с бледным измождённым лицом и свежим красным следом от разъёма у основания затылка.

Она резко обернулась. Он стоял в пяти шагах позади, сжимая кулаки и так же ошалело глядя на неё.

— Кто ты? — выдохнула Виола.

— Это я хотел спросить, — хрипло ответил он, озираясь на дрожащие стены. — Что ты делаешь в моём сне?

— В твоём?! Я купила «Детство в облаках»!

Парень коротко, невесело рассмеялся, потирая затылок.

— Поздравляю, тебе продали брак. Это моя ночь.

Воздух между ними сгустился и пошёл мелкой рябью. В полумраке коридора проступил ещё один силуэт — невысокая женщина с аккуратно собранными седыми волосами. У Виолы перехватило горло: это была её мать, но не молодая и румяная, как на нарисованной кухне, а такая, какой Виола запомнила её в последнюю неделю в больнице — в простой хлопковой рубашке, с глубокими тенями у глаз.

Женщина смотрела на обоих не с нежностью, а с отчаянной, сосредоточенной тревогой. Губы её шевельнулись беззвучно, но слова отозвались прямо в сознании:

«Они не должны были пересечься…»

В ту же секунду Виолу накрыла вспышка настоящего, некупленного воспоминания — резкая, как удар ледяной воды. Больничная палата Святого Иуды. Потрескавшиеся губы матери, сбивчивый шёпот: *«Не верь им, Виола! Они поставили мне датчик… сказали, это снимает боль… но они записывают меня… всё, что я помню о тебе…»*

Фраза оборвалась жёстким статическим треском, словно кто-то выдернул шнур из розетки.

— Что это сейчас было? — пробормотал парень, отступая на шаг и сжимая виски. — Откуда я видел твою мать? Больница… белые шторы…

Коридор глухо вздрогнул. По зеркалам поползли чёрные трещины, пол накренился, а сверху обрушился ровный, безличный голос системы:

«КРИТИЧЕСКАЯ УТЕЧКА СЛОЯ. АВАРИЙНЫЙ РАЗРЫВ СЕССИИ».

Фигура парня начала двоиться и таять, как изображение на старом телевизоре при обрыве антенны.

— Нас вышвыривают! — крикнул он сквозь нарастающий гул. — Как тебя зовут?!

— Виола! А тебя?!

— Элиот!

Зеркала осыпались бесшумной чёрной пылью, и Виолу рывком выдернуло в темноту.

* * *

Она очнулась на холодном полу рядом с кроватью. Тело

била крупная дрожь, во рту стояла кислая горечь, а висок горел тупой пульсирующей болью. С трудом приподнявшись на локтях, она взглянула на наручный браслет. Экран светился тревожным алым светом:

«ЗАФИКСИРОВАН ПЕРЕКРЁСТНЫЙ СБОЙ ПРОФИЛЕЙ V-7713 И 479-К. АКТИВИРОВАН КАРАНТИННЫЙ ПРОТОКОЛ ВЫРАВНИВАНИЯ».

«До завершения принудительной синхронизации: 71:59:14».

«ВНИМАНИЕ: самостоятельное извлечение чипа до окончания цикла приведёт к необратимому повреждению синаптических путей».

— Что вы наделали… — прошептала Виола, чувствуя, как по спине течёт холодный пот.

Она дотянулась до планшета. На экране поверх каталога висело бодрое уведомление от OneiroMarket: *«Отличная новость! Ваш сеанс „Детство в облаках“ продлён в рамках программы заботы о клиентах. Приятных сновидений!»*

Пальцы не слушались, когда она попыталась открыть форму жалобы в техподдержку. Но вместо пустой страницы браузер открыл последнюю строку в истории поиска — две фразы, которые она точно не набирала сама, однако её рука словно помнила их ритм:

«Элиот. Силиконовые трущобы».

Глава 4. Тень в сети

К полудню таймер на запястье показывал 67:41:09. Каждые полчаса висок простреливало короткой тупой вспышкой — и вместе с болью приходили чужие обрывки: тяжёлый запах сырой плёнки вместо стекла, гул вентиляционной шахты, ощущение холодного руля курьерского скутера под замёрзшими пальцами. Как будто кто-то незаметно переписывал её голову поверх старой плёнки.

Служба поддержки OneiroMarket ответила за четыре секунды шаблонным письмом: *«Уважаемый клиент! Для устранения лёгкого дискомфорта перезагрузите порт и не покидайте адрес регистрации — наш выездной специалист свяжется с вами в ближайшее время».*

Виола не стала ждать специалиста. Утром она съездила по юридическому адресу сервисного центра из договора и нашла там только глухой ангар с выбитыми рамами и свежей надписью баллончиком на воротах: *«Спи спокойно, за тебя всё решат»*. А когда в лифте попробовала просто поддеть ногтем серый чип в виске, по шее прошла такая острая судорога, что пришлось опуститься на корточки и две минуты ловить воздух.

Вернувшись домой, она достала из кладовки старый мамин ноутбук — тяжёлую серую машину десятилетней давности, без нейромодуля и беспроводной биометрии. Подклю-

чила его через одноразовый сетевой переходник и вбила в строку поиска не имя парня, а три цифры: *«OneiroMarket ошибка 404»*.

На открытых форумах висели только стерильные ветки, вычищенные модераторами. Но через пару переходов по старым зеркалам она вышла на полузаброшенный технический форум, куда сбрасывали утечки уволенные инженеры. Ветка называлась коротко: *«404 — это не сбой рендера»*.

Первые сообщения пестрели домыслами и паникой:

User_73: «После 404 третью неделю просыпаюсь в холодном поту. Помню чужую лестницу и чужую работу, на которой никогда не был».

User_112: «Жена словила 404 на пакете „Ностальгия“. Неделю не могла отличить свои воспоминания от чужих. Потом просто собрала рюкзак и пропала без вести. На столе оставила записку с одним словом: „Ева“».

Ниже, среди десятков спутанных жалоб, выделялись спокойные, сухие разборы пользователя под ником *@DreamHunter*. Никакой истерики — только схемы протоколов, таблицы частот и обрывки внутренних отчётов SinOpsis.

@DreamHunter: «Перестаньте искать мистику. 404 — это разрыв маскировки. Подумайте головой: кто пойдёт продавать OneiroMarket свои счастливые сны? Счастливые люди не сдают мозг в аренду за коммуналку. Настоящие доноры — это загнанные люди с самыми яркими, острыми кошмарами. Их нервная система выдаёт плотность сигна-

ла, которую не умеет генерировать ни один ИИ. А SinOpsis просто натягивает поверх их ужаса готовую тёплую „шкуру“ — базовый эмпатический слой, собранный на ранних испытаниях под кодовым именем „Ева“. Когда в сеансе возникает резонанс, декорация трескается, и покупатель проваливается прямо в живой кошмар донора».

У Виолы пересохло в горле. Она прокрутила ниже — в конце ветки висела ссылка на запароленный файловый архив, залитый два года назад.

Запрос пароля мигал на чёрном фоне. Она не раздумывала ни секунды и набрала четыре буквы: *Ева*.

Архив раскрылся. Внутри лежали десятки отсканированных протоколов клинических испытаний и три коротких видеофайла с камер наблюдения. Виола запустила первый.

Знакомая узкая палата. Госпиталь Святого Иуды. На кровати, под белым одеялом, лежала её мать — Марина Орлова. К её вискам тянулись тонкие провода от опытного стенда с логотипом SinOpsis. За кадром спокойный мужской голос диктовал в диктофон:

«Двадцать четвёртое октября. Субъект — Орлова Марина, паллиативное отделение. Программа „Ева“, калибровка базового слоя привязанности. Воспоминания о дочери демонстрируют исключительную сенсорную чистоту — запах, тепло, голос. Побочный эффект: пациентка осознаёт процесс копирования и пытается вшивать в буфер несанкционированные метки. Усилить фильтрацию».

Виола прижала ладонь ко рту, глядя на экран, где её умирающая мать сжимала край простыни и шептала что-то беззвучно, глядя прямо в объектив.

Из неё не просто сняли показания. Из её последней любви к дочери сделали дешёвые обои, которыми корпорация обклеивала чужие кошмары и продавала по восемь тысяч кредитов за ночь.

В нижнем углу экрана беззвучно всплыло маленькое окно защищённого чата.

@DreamHunter: «Значит, архив всё-таки кто-то открыл. Ты видела запись?»

Виола с трудом попала пальцами по клавишам.

Виола: «Это моя мать. Марина Орлова. Кто ты?»

@DreamHunter: «Бывший младший инженер SinOpsis. Меня вышвырнули, когда я задал слишком много вопросов про Святого Иуду. Слушай внимательно: если ты зашла сюда и на тебе висит 404 — значит, ты купила пакет, собранный на её слое. Твой мозг сработал как ключ, и маска „Евы“ порвалась прямо в прямом эфире».

Виола: «У меня на браслете таймер. Синхронизация с донором 479-К. Что будет, когда он дойдёт до нуля?»

@DreamHunter: «Карантинный протокол полностью сольёт ваши буферы, а потом служба безопасности просто обнулит обоих, чтобы закрыть утечку. У SinOpsis на кону триллионная монополия — если клиенты узнают, что „Детство в облаках“ сшито из паллиативных архивов и чу-

жих кошмаров, компанию разорвут за сутки. Тебе нужно найти этого донора вживую. Пока вы порознь, вас легко зачистить по одному. И главное — уходи из квартиры. Этот архив висит на их маячке».

Чат тут же погас.

Через три секунды в подъезде глухо звякнули двери лифта, а в прихожей мягко пискнул электронный замок — кто-то приложил к считывателю универсальный сервисный ключ.

Виола не стала изображать героиню. Она захлопнула старый ноутбук, сунула его в рюкзак, на ходу натянула ботинки и куртку и метнулась не к входной двери, а на крошечную кухню — к узкой металлической створке технического балкона, ведущей к чёрной лестнице мусоропровода.

Когда замок в прихожей наконец щёлкнул и спокойный мужской голос негромко позвал: *«Мисс Орлова? Служба заботы о клиентах OneiroMarket, мы привезли замену модуля»*, — Виола уже бесшумно прикрыла за собой пожарную дверь и бежала вниз по холодным бетонным пролётам.

На запястье тикал таймер. В голове снова мелькнуло чужое отражение — мокрый розовый неон и номер блока *Г-42*.

Глава 5. Правда под слоями

Элиот сидел на краю узкой кровати, сжимая в руках планшет с мёртвой строкой *«Начисление: 0 кр.»*. На потолке красный диод «Сборщика» погас ещё час назад, но ощущение чужого взгляда не исчезло. Оно сидело прямо между лопаток, тяжёлое и липкое.

Он попробовал пробить код *V-7713* через открытые справочники — система ожидаемо выбросила отказ: *«Приватный профиль»*.

— Хватит дёргаться, — сказал он сам себе вслух. — Ты просто курьер. Тебе нужно закрыть смену и заплатить за свет.

К вечеру он так и не решился выйти на смену. Ближе к полуночи поднял рабочий планшет QuickDrop, чтобы взять хотя бы ночной развоз, — и замер. Поверх обычной сетки доставок мигала жёлтая плашка приоритетного заказа.

СРОЧНЫЙ ЗАКАЗ № 991.

Адрес получения и доставки: Силиконовые трущобы, блок Г-42, ячейка 607.

Получатель: Элиот, донор № 479.

Груз: сервисный комплект калибровки.

Вознаграждение: 5 000 кр.

Его собственный адрес. Его собственный номер ячейки. Пять тысяч кредитов за то, чтобы просто открыть дверь и

никуда не уходить.

Элиот ткнул в кнопку «Отклонить». Экран моргнул — карточка заказа осталась на месте. Он нажал ещё дважды, сильнее; кнопка поблекла и стала неактивной. Система сама перевела статус в *«Принято. Курьер на точке»*.

Это была не ошибка приложения. Они просто проверяли, дома ли он.

В ту же секунду завибрировал браслет на запястье. Вызов с закрытого служебного номера. Элиот сглотнул и принял звонок. Вместо лица на крошечном экране побежала ровная серая звуковая волна.

— Элиот, донор четыреста семьдесят девять, — произнёс безупречно вежливый, безэмоциональный голос. — С вами говорит отдел технической безопасности SinOpsis, материнской компании OneiroMarket. В вашей последней сессии зафиксировано повреждение базового эмпатического слоя «Ева». В интересах вашего здоровья просим оставаться в ячейке. Специалисты уже поднимаются на ваш этаж.

— Никаких специалистов я не вызывал, — глухо ответил Элиот, медленно отступая к столу и нащупывая в кармане куртки складной канцелярский нож для вскрытия коробок. — Это был обычный глюк. Я просто отключу порт и забуду про вашу контору.

— Самостоятельное отключение невозможно в режиме карантина, — ровно возразил голос. — Кроме того, в вашем буфере сохранились фрагменты закрытой архитектуры

«Ева», в том числе визуальный образ женщины с седыми волосами. Наши сотрудники проведут безболезненную локальную очистку памяти.

Локальную очистку памяти.

От этого спокойного канцелярского словосочетания у Элиота свело живот. Они не собирались чинить разъём. Они собирались выскоблить ему голову, как испорченный жёсткий диск, чтобы не осталось ни одной лишней строчки.

— Идите к чёрту, — сказал он и сбросил связь.

По металлическому настилу общего коридора уже приближались ровные, неторопливые шаги — двое, а то и трое, не спеша, уверенные, что деваться из шестого этажа некуда.

Элиот рванул с крючка рюкзак, бросил туда планшет и зарядку — и в ту же секунду затылок пронзила острая, ледяная игла. Они удалённо дёрнули карантинный сигнал, пытаясь сбить его с ног, но вместо паралича по открытому каналу хлынула чужая память.

Солнечная кухня. Запах корицы и лаванды. Тёмноволосая девушка склоняется над больничной койкой, глотая слёзы, и слышит сбивчивый шёпот матери: *«Госпиталь Святого Иуды… они записывают меня…»* А потом — узкий зеркальный коридор и её испуганные глаза.

Виола.

Входной замок тихо щёлкнул, поддаваясь мастер-ключу.

Элиот бросился к окну. Одним резким движением ножа полоснул мутную полиэтиленовую плёнку сверху донизу. В

лицо ударил холодный, пахнущий мокрым железом дождь. Снаружи, в узком колодце между жилыми башнями, тянулась ржавая пожарная лестница, оплетённая пучками старых кабелей.

Когда дверь ячейки мягко распахнулась и на пороге выросли двое мужчин в одинаковых серых непромокаемых плащах, Элиот уже перекинул ногу через подоконник.

— Субъект покидает периметр через окно, — совершенно спокойно, без малейшего азарта доложил первый в гарнитуру.

Элиот перемахнул через скользкие перила, вцепившись окоченевшими пальцами в мокрое железо ступеней, и стал быстро спускаться вниз, перескакивая через две перекладины сразу. Внизу, в шести этажах под ним, блестел залитый дождём бетон и дымились решётки вентиляции.

Он ещё не знал, где искать эту девушку, но впервые за два года точно понимал одно: в его снах наконец-то появилось что-то настоящее — и отдавать это «Сборщику» он больше не собирался.

Глава 6. Симбиоз

Силиконовые трущобы встретили Виолу плотным дождём, запахом влажного бетона, дешёвой лапши из уличных автоматов и перегретых трансформаторов. Узкие переходы между жилыми блоками превратились в тёмные ручьи, где у самых бордюров кружились бумажные стаканчики и одноразовые упаковки от нейропатчей. Искать здесь одного человека по имени и номеру квартала казалось чистым безумием.

Она проплутала по мокрым окраинам почти до полуночи; на запястье уже горело *54:38:11*.

Но чем глубже она заходила в квартал «Г», тем отчётливее работал их проклятый карантинный мост. Не яркими картинками, а короткими, болезненными вспышками дежавю: на секунду перед глазами всплывала ржавая решётка пожарной лестницы, потом в носу вдруг резко пахло кислым лимонным энергетиком, а в затылке возникало чужое чувство сбитого дыхания и мокрой куртки, прилипшей к лопаткам.

Она шла на это странное эхо, сворачивая туда, где покалывание у виска становилось острее. За поворотом между корпусами Г-42 и Г-43, под навесом неработающего грузового подъёмника, она увидела узкую тень.

Худой парень в промокшей курьерской куртке стоял, прислонившись плечом к бетонной стене, и тяжело переводил дыхание, одной рукой придерживая затылок.

— Элиот? — негромко позвала Виола.

Он вздрогнул и резко обернулся, сжимая в другой руке складной нож. Увидев её лицо, опустил руку, но напряжение с плеч не ушло.

— Виола… — выдохнул он недоверчиво. — Как ты вообще меня выследила?

— Не знаю, — она коснулась виска. — Шла за ощущением, будто уже проходила здесь пять минут назад. Твои следы. И… ты недавно пил что-то лимонное, верно?

Элиот криво усмехнулся.

— А ты ненавидишь запах больницы. И твоя мать лежала в Святом Иуде.

Они сделали шаг друг к другу — и в ту же секунду розовый свет вывески над соседним подъездом дёрнулся, как при скачке напряжения. Шум дождя схлопнулся в глухой, давящий звон. На запястье Виолы браслет вибрировал без остановки, мигая красной строкой:

«КРИТИЧЕСКОЕ СБЛИЖЕНИЕ КАРАНТИННЫХ ПРОФИЛЕЙ. ПЕРЕДАЧА КООРДИНАТ СЛУЖБЕ БЕЗОПАСНОСТИ».

— Мы сами себя засветили! — выдохнула Виола, хватая его за мокрый рукав. — Сближение портов сработало как маяк!

Стоило её пальцам коснуться его запястья, как между ними проскочила короткая, сухая волна — не сон и не обморок, а резкое наложение двух буферов сразу. На три бес-

конечные секунды переулок словно просветило насквозь: сквозь мокрый асфальт проступили белые плитки больничного коридора, запахло лавандой, и прямо между ними на миг проступило усталое лицо Марины Орловой — не компьютерный призрак, а живой, упрямый обрывок её последней записи, которую SinOpsis так и не сумела вычистить из базового слоя «Евы».

Губы матери едва дрогнули, и в сознании обоих чётко, без помех отозвалась оборванная фраза, записанная когда-то на больничной койке:

«Старое крыло Святого Иуды… подвал… пока там стоит исходный блок, они не смогут всё переписать…»

Видение погасло так же внезапно, как вспыхнуло. Оба покачнулись; Элиот успел удержать Виолу за локоть, не дав упасть на мокрый бетон.

— Ты это слышала? — прохрипел он.

— Это не вирус и не программа, Элиот, — быстро проговорила Виола, вытирая мокрые волосы со лба. — «Ева» — это воспоминания моей матери. Они сняли их с неё перед смертью в Святом Иуде и натягивают как красивую обёртку на твои кошмары, чтобы продавать богатым. А она успела оставить закладку — на случай, если кто-то с её кровью когда-нибудь попадёт в этот слой.

Из-за угла главного проезда вывернули два тёмных фургона без опознавательных знаков. Фары полоснули по лужам, выхватывая из темноты бетонные стены переулка.

— Служба заботы, — сухо сказал Элиот, оглядываясь по сторонам. — Если вернёмся на улицу — зажмут за минуту.

Он шагнул к низкой металлической двери технического коллектора в цоколе блока Г-42, рванул заржавевшую щеколду и поддел замок лезвием своего ножа — старая задвижка поддалась со скрипом. Из темноты пахнуло сырым теплом теплотрассы.

— По трубам выйдем к старой железнодорожной насыпи, — бросил он через плечо. — А оттуда до Святого Иуды двадцать минут пешком. Идём!

Они нырнули в тёмный проём и притянули дверь изнутри ровно за секунду до того, как белые лучи фар залили пустой проход между блоками.

Глава 7. Реальность, похожая на сон

Старый корпус Госпиталя Святого Иуды закрыли на консервацию три года назад — сразу после того, как SinOpsis завершила программу паллиативных испытаний и перевела врачей в новый центр на другом берегу. Но здание не снесли и не обесточили полностью: за заколоченными окнами первого этажа где-то глубоко внизу всё ещё тянулся ровный, едва слышный гул промышленного кондиционера.

Внутри пахло сырой известкой, пылью и старым линолеумом. В длинном коридоре первого этажа вдоль стен стояли накрытые полиэтиленом каталки. Пока они шли по подземному коллектору, оба порта потеряли сотовую связь, и навязчивый таймер на браслете замер — но эта внезапная тишина в виске казалась обманчивой, как затишье перед судорогой.

На втором этаже Виола невольно остановилась у двери с облупившейся табличкой *«Паллиативное отделение»*. Внутри, в третьей палате по левую руку, стоял только голый металлический каркас кровати. На подоконнике под слоем серой пыли валялся выцветший пластиковый бейдж с обрывом ремешка и полустёртой строкой: *«Клиническая программа „Ева“. Архивный узел — сектор Б-0 (цоколь)»*.

— Внизу, — тихо сказала Виола. — В подвале.

Они спустились по узкой служебной лестнице в цоколь. И здесь запустение вдруг оборвалось: за обычной облуплен-

ной дверью с табличкой «Архив историй болезни» скрывался чистый, сухой тамбур со стеклянной перегородкой и тускло горящими зелёными индикаторами серверных стоек.

Старый узел действительно никогда не выключали. Более того — от центральной стойки в бетонную стену уходил толстый жёлтый пучок оптоволокна.

— Зачем они держат сервер в полузаброшенной больнице? — шёпотом спросил Элиот, оглядываясь на лестницу.

— Из-за лицензии, — догадалась Виола, вглядываясь в наклейку сертификации на стекле стойки. — По закону первичные биометрические слепки нельзя вывозить за пределы медучреждения, где их собирали. Поэтому SinOpsis оставила эталонное ядро «Евы» здесь и просто прокинула сюда закрытый канал с главных серверов OneiroMarket. Вся их витрина «Ностальгии» берёт ключи отсюда.

Замок на стеклянной двери оказался обычным электромеханическим — Элиот, успевший наглядеться на подобные в складских отсеках, за минуту открутил накладку ножом и замкнул контакты язычка. Дверь мягко подалась.

Внутри стоял один-единственный сервисный терминал с матовым экраном. Виола села за клавиатуру, и монитор послушно проснулся, выведя лаконичное инженерное меню узла:

«ЭТАЛОННЫЙ УЗЕЛ „ЕВА-01“. СТАТУС: СИНХРОНИЗАЦИЯ С КЛАСТЕРОМ ONEIROMARKET (АКТИВНЫХ СЕССИЙ: 1 482 310)».

Она ввела в строку поиска фамилию матери. Система выдала единственный корневой контейнер — *ORLOVA_M_BASE_LAYER*, защищённый двойной проверкой доступа.

На экране высветилось требование: *«Подтвердите авторизацию: физический носитель администратора или прямой биометрический отклик эталонного донора»*.

— У нас нет ключа администратора, — напряжённо сказал Элиот. Наверху, на первом этаже, хлопнула входная дверь, и по пустому коридору раскатились уверенные шаги нескольких человек. — Нас вычислили по взлому замка. Осталось две минуты.

Виола не отвела взгляда от монитора.

— Прямой биометрический отклик эталонного донора, — повторила она медленно. — Моя мать знала, что её записывают. Помнишь видео? Врач сказал, что она пыталась вшивать в буфер свои метки. Она не могла сломать систему — но она могла привязать аварийный ключ к единственному человеку, чей нейронный отклик максимально близок к её собственному.

Виола взяла со стола диагностический кабель, висевший на крючке сбоку от монитора, и, стиснув зубы, воткнула его прямо в свой височный порт.

По виску ударило короткой холодной вспышкой. Индикатор проверки мигнул жёлтым, подумал секунду — и сменился ровным зелёным цветом:

«СОВПАДЕНИЕ ГЕНЕТИКО-НЕЙРОННОГО КОНТУРА: 94,2%. ДОСТУП К ДИАГНОСТИЧЕСКОМУ РЕЖИМУ РАЗРЕШЁН».

Меню раскрылось. Никаких сказочных кнопок — только сухая инженерная таблица активных слоёв рендера, где поверх миллионов живых донорских потоков стояла одна общая галочка:

«Эмпатическая маска „Ева“ (перекрытие исходного донорского сигнала) — ВКЛЮЧЕНО».

«Буферное стирание на стороне донора — ВКЛЮЧЕНО».

А строчкой ниже — две сервисные команды для отладки узла:

[ОЧИСТИТЬ И ЗАКРЫТЬ КОНТЕЙНЕР]

[ОТКЛЮЧИТЬ МАСКУ И СНЯТЬ ФИЛЬТР БУФЕРА (РЕЖИМ ПРЯМОЙ ПЕРЕДАЧИ)]

Шаги уже спускались по бетонной лестнице в цоколь. Луч фонаря скользнул по матовому стеклу верхней двери.

— Если мы просто сотрём контейнер, — тихо сказал Элиот, глядя на экран, — твоя мама наконец обретёт покой. И может быть, нас даже оставят в живых, раз утечку закрыли.

— А завтра они найдут в другой больнице другую умирающую женщину, — так же тихо ответила Виола. — И снова натянут её любовь на твои кошмары. Люди платят за сладкую ложь, даже не зная, чьей бедой за неё расплачиваются.

Она посмотрела на Элиота. Он медленно кивнул — без пафоса, просто устало и твёрдо, как человек, который боль-

ше не хочет просыпаться с пустой головой.

— Снимай маску, Виола. Пусть увидят, что они покупали.

Тяжёлая дверь тамбура содрогнулась от удара. Виола сняла обе галочки и нажала «Применить ко всем активным сессиям».

«ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ: ОТКЛЮЧЕНИЕ СЛОЯ „ЕВА“ НАРУШИТ ИЗОЛЯЦИЮ ВСЕХ ПОДКЛЮЧЁННЫХ ПОРТОВ. ПОДТВЕРДИТЬ?»

Она нажала «Да» в ту самую секунду, когда стеклянная перегородка с треском распахнулась и внутрь шагнули двое агентов SinOpsis в серых плащах.

— Отойдите от терминала! — резко бросил первый, поднимая компактный импульсный парализатор.

На мониторе загорелась спокойная зелёная строка: *«Прямой режим активирован. Обновление 1 482 310 подключений завершено»*.

Два удара сердца ничего не происходило.

Потом оба агента — с такими же корпоративными нейропортами, постоянно подключёнными к внутренней сети компании для стабилизации стресса, — одновременно вздрогнули. Парализатор выскользнул из разжавшихся пальцев и глухо стукнул об пол.

Старший схватился обеими руками за виски и рухнул на одно колено. Его зрачки расширились до краёв радужки — сквозь выключенный фильтр корпоративной сети в его сознание хлынул чужой, неочищенный донорский поток: ледя-

ной ветер на крыше, скользкое железо, падение в чёрный колодец.

Второй агент прислонился спиной к серверной стойке и вдруг задышал мелко, со всхлипом — его накрыла чужая, острая тоска незнакомой женщины, прощающейся с ребёнком на перроне.

Виола выдернула кабель из виска. Впервые за двое суток боль ушла, а на её браслете погас красный таймер.

Она не уничтожила «Еву». Она просто сорвала декорации — и вернула каждому то, что принадлежало ему на самом деле.

Эпилог

Они вышли через задний двор госпиталя, когда над городом начал подниматься серый, промозглый рассвет.

Город просыпался не так, как обычно.

На автобусной остановке через дорогу мужчина в дорогом кашемировом пальто сидел прямо на мокром бордюре, обхватив голову руками, и мелко дрожал: на него в разгар утренней поездки рухнул чужой ночной кошмар, купленный вчера под вывеской «Спокойная юность». У входа в круглосуточное кафе молодая женщина замерла с бумажным стаканом в руках и тихо плакала — впервые почувствовав реальную, непричёсанную тяжесть той жизни, из которой выкроили её любимый пакет «Ностальгии». А из жилых кварталов доносились редкие, сбивчивые крики доноров, к которым внезапно вернулись обрывки всех стёртых, проданных ночей.

Уличные рекламные экраны OneiroMarket погасли один за другим — корпорация спешно обрубала трансляцию, но на паре старых щитов вместо улыбающихся семей ещё несколько секунд мелькали серые технические полосы и случайные кадры чужой памяти: чей-то страх высоты, чьё-то одинокое утро в тесной комнате, чья-то ладонь на холодном стекле.

Виола и Элиот поднялись на пешеходный мост над про-

спектом. Внизу мигали синие огни скорой помощи, где-то в кварталах ближе к центру уже тянулся в серое небо тонкий столб дыма.

Мир не стал лучше и не стал чище. Он просто лишился обезболивающего — разом, без предупреждения.

Виола прислонилась к мокрым перилам, чувствуя, как холодный ветер сушит слёзы на щеках. Внутри впервые за два года не было ни чужого голоса, ни синтетического запаха корицы — только тихая, честная, тяжёлая пустота утраты, с которой ей наконец придётся учиться жить самой.

Элиот стоял рядом, глубоко засунув руки в карманы мокрой куртки. Он тоже молчал, глядя на просыпающийся, растерянный город, и медленно перебирал в памяти вернувшиеся, пусть и рваные, но наконец-то свои собственные ночи.

Постскриптум

Спустя шесть часов, когда на улицах ещё не стихли сирены, на экраны всех уцелевших телефонов и нейропортов пришло короткое, предельно вежливое уведомление с логотипом SinOpsis:

«Столкнулись с нежелательным эмоциональным эхом после технического инцидента OneiroMarket? Корпорация SinOpsis представляет экстренную услугу „Чистый лист“ — полное форматирование памяти за последние пять лет и установка сертифицированного базового пакета личности. Первым десяти тысячам клиентов — скидка тридцать процентов».

Виола посмотрела вниз с моста. На мокром тротуаре десятки растерянных, измученных людей уже поднимали телефоны к покрасневшим глазам — и один за другим, не раздумывая, касались зелёной кнопки «Подключить».

«Последний свидетель»

Пролог

«Смерть перестала быть окончанием правосубъектности в 2043 году. С тех пор это всего лишь смена носителя».

— Из доклада юридической комиссии ООН о цифровом наследии.

Глава 1. Суд без мертвецов

В зале судебных заседаний номер семь стоял сухой, вымороженный холод серверной. Вдоль матовых стеклянных стен негромко гудели стойки проекторов; вместо деревянных скамей и скрипа паркета здесь были бесшумные кресла с вшитыми датчиками пульса для присяжных и три полупрозрачные панели прямой трансляции под высоким потолком. В самом центре, между столами обвинения и защиты, возвышался невысокий круглый подиум с матовой линзой.

Цифровой свидетель. Потерпевшая. Покойная.

Лира Морган поправила воротник тёмного жакета. Жёсткая кромка ткани задевала старый шрам за правым ухом — там стоял стандартный адвокатский коннектор для приёма служебных стенограмм нейросуда. Перед громкими процессами кожа в этом месте всегда чуть зудела, будто предупреждала, что дело выйдет боком.

Рядом сидел её подзащитный — Эдриан Генри Войт. Сорок два года, безупречный серый костюм ручной работы, спокойная осанка человека, привыкшего разговаривать с министрами на равных. Только указательный палец правой руки выбивал по краю стола едва заметную сухую дробь. От него тонко пахло сандалом и сухим цитрусовым одеколоном.

— Последний раз спрашиваю, Эдриан, — негромко сказала Лира, прикрывая ладонью микрофон на столе. — Если

на перекрёстном допросе реконструкция снова даст расхождение с первыми протоколами, я не смогу прикрыть это техническим шумом. Судья просто снимет её с дела, и обвинение добьёт вас по косвенным данным.

— Не даст, — не поворачивая головы, ответил Войт. — Я оплатил расширенное сопровождение EterniCorp. Пакет «Вечная верность», кажется, так его зовут их менеджеры.

— Коммерческие пакеты не имеют силы в уголовном процессе, — сухо напомнила Лира. — В зал подаётся только сертифицированный судебный слепок.

Войт наконец повернулся к ней. В его светлых глазах мелькнула та самая ровная, холодная уверенность, с которой он смотрел с обложек деловых журналов:

— Правосудие вершат люди, Лира. А мёртвые всегда говорят именно то, что от них хотят услышать.

Прежде чем она успела возразить, свет над рядами публики приглушили. На возвышении ожил силуэт арбитра — строгий контур в серой судейской мантии, без лица и мимики, чтобы не влиять на присяжных. Голос судебного алгоритма, собранный по интонациям знаменитого юриста прошлого века, наполнил зал:

— Дело номер 2047-09. Обвиняемый: Эдриан Генри Войт. Статья: умышленное причинение смерти. Для повторного опроса вызывается сертифицированная цифровая реконструкция Кассандры Войт.

Линза в центре подиума мягко засветилась холодным бе-

лым светом. Воздух над ней загустел, и через две секунды перед залом встала женщина. Простое светлое платье, тёмные волосы, собранные в небрежный низкий пучок, — точь-в-точь такой её помнили сотни тысяч подписчиков её старого дневника о садоводстве и архитектуре. Лишь у самых щиколоток проекция слегка теряла плотность, растворяясь в светлом круге подиума.

Над её плечом коротко вспыхнула зелёная строка верификации: *«Источники: 12 850 часов видеоархивов, 41 200 личных сообщений, два посмертных нейроскана. Индекс совпадения личности: 99,8%»*.

— Свидетель Кассандра Войт, — ровно произнёс арбитр. В воздухе рядом с ней повисла дата: *12 октября 2045 года*. — Опишите события вечера, предшествовавшие вашей гибели.

Контур женщины едва заметно дрогнул — на долю секунды смазалась линия подбородка, как при плохом приёме, — но тут же выровнялся.

— Мы ужинали с Эдрианом на верхней террасе, — голос был тёплым, с узнаваемой мягкой хрипотцой. — Он подарил мне кольцо с тёмным сапфиром. Потом стало прохладно… — она машинально подняла руку к виску, и Лира увидела, как полупрозрачные пальцы чуть утонули в светящемся контуре щеки. — Я пошла в спальню через галерею у зимнего сада. Оступилась. Каменная лестница… я всегда говорила, что там слишком скользкие ступени.

У Лиры похолодело под рёбрами: на её служебном планшете прямо сейчас была открыта закрытая выписка из первых часов следствия. Биометрический браслет Кассандры, снятый с её запястья экспертами, в 23:47 зафиксировал скачок пульса до ста семидесяти, резкий рывок в сторону перил и обрывок звукозаписи — сдавленный крик, оборвавшийся глухим ударом.

Но Лира была адвокатом защиты. Она встала, застегнула нижнюю пуговицу жакета и ровным, профессиональным тоном задала единственный вопрос, который требовала стратегия:

— Миссис Войт, подтверждаете ли вы под запись суда, что между вами и вашим мужем в тот вечер не было физического конфликта?

— Эдриан любил меня, — мягко улыбнулась проекция, и в этой улыбке было что-то неуловимо неживое, будто её наклеили поверх другого выражения лица. — Он бы никогда…

Слово оборвалось коротким сухим щелчком.

— Никогда… никогда… никогда… — мягкая хрипотца вдруг натянулась, как перетянутая струна; плечи голограммы мелко задрожали, а над её головой вспыхнул алый треугольник системной тревоги.

Арбитр оборвал звук резким сигналом.

— Зафиксирована логическая коллизия ответа, — бесстрастно объявил суд. — В сегменте памяти от двенадцатого октября обнаружены следы несанкционированной коррек-

ции весов. Объявляется технический перерыв. Реконструкция снимается с допроса и направляется на комиссионную ревизию.

Зал мгновенно взорвался приглушённым гулом. Эдриан сжал подлокотники кресла так, что побелели костяшки, но уже через секунду выдохнул и расслабил плечи. Без главного свидетеля обвинения дело трещало по швам — адвокатский инстинкт Лиры подсказал ей это раньше, чем она успела обрадоваться победе.

Пока техник суда неспешно шёл от пульта к подиуму, чтобы отключить питание проектора, Лира нарушила дистанцию и подошла к самому краю светлого круга.

— Кто правил твой слепок? — тихо, одними губами спросила она, глядя в гаснущие глаза проекции.

На последнее мгновение, прежде чем питание оборвалось, заученная улыбка исчезла с лица Кассандры. Взгляд стал пугающе живым — растерянным, виноватым, полным загнанной боли. Губы шевельнулись без звука, складывая три коротких слова:

«Он мой муж».

Линза погасла. В зале снова остался только сухой холод кондиционеров.

Лира обернулась к столу защиты. Эдриан спокойно складывал бумаги в кожаную папку и, поймав её взгляд, чуть заметно улыбнулся — совсем без торжества, почти устало:

— Вот видите, Лира. Даже смерть не способна разрушить

крепкий брак.

За высокими дверьми уже слышались нетерпеливые голоса репортёров. Лира смотрела на пустой подиум и впервые за двенадцать лет юридической практики поймала себя на мысли, что только что выиграла не оправдание — она помогла заставить свидетеля замолчать во второй раз.

Глава 2. Голограмма с совестью

Архивный корпус EterniCorp занимал три подземных этажа в деловом квартале и больше всего походил на гигантскую банковскую ячейку. Чёрные матовые панели стен гасили шаги; из-за закрытых технологических дверей тянулся низкий, почти неслышный гул жидкостного охлаждения, в котором крутились десятки тысяч цифровых слепков — от семейных сувениров до судебных вещественных доказательств. Над стойкой пропуска светилась строгая золотая строка: *«Ваши близкие — под нашей защитой»*.

Лира прошла внутрь по официальному адвокатскому запросу: до вынесения итогового приговора защита имела право ознакомиться с журналом калибровки свидетеля, раз уж суд сослался на «внешнюю коррекцию».

Дежурный инженер в сером рабочем свитере представился Джексом. Ему было около сорока; под глазами залегли глубокие сухие тени, за левым ухом белел старый тонкий шрам от ранних нейроинтерфейсов, а на безымянном пальце правой руки темнела привычная мозоль от стилуса. Бывший старший разработчик, сосланный в архивную рутину, — Лира сразу узнала эту породу людей: они устали спорить с начальством, но всё ещё не научились врать с удовольствием.

— Вы зря тратите время, мисс Морган, — сказал Джекс, медленно помешивая растворимый кофе в бумажном стака-

не. — Реконструкция — это вероятностная модель, а не человек. У неё нет умысла. Если судья увидел расхождение, значит, посыпался кэш.

Лира положила перед ним на стеклянный стол три распечатанных листа — стенограммы трёх допросов Кассандры Войт с интервалом в две недели.

— Посмотрите на динамику, — ровно сказала она. — На первом следственном опросе в ноябре реконструкция прямо назвала имя мужа и описала удар по запястью. На предварительных слушаниях в январе формулировка смягчилась до «иногда повышал голос». Сегодня утром она заявила, что сама поскользнулась на лестнице. Повреждённый кэш даёт случайный шум, Джекс. Он не редактирует показания строго в одну сторону.

Джекс долго смотрел на распечатки, не дотрагиваясь до них. Потом коротко вздохнул, отставил стакан и коснулся сенсорной панели стола. Над стеклом поднялась уменьшенная, сантиметров в тридцать высотой, фигурка Кассандры — в том же светлом платье, с опущенными глазами.

— Вы плохо представляете, как устроены наши дубли, мисс Морган, — тихо сказал он. — Каждый вызов — это не воспроизведение видеозаписи. Модель заново собирает ответ из сорока петабайт исходников: переписок, записей голоса, дневников, снимков, посмертной карты синапсов. Она буквально каждый раз заново решает, как бы поступила живая Кассандра в эту конкретную минуту.

Лира наклонилась к столу и положила рядом со стенограммами ещё один снимок — из неопубликованного приложения к делу. Кассандра и Эдриан у летнего бассейна за месяц до гибели; он улыбается в камеру, приобнимая её за плечи, а на её тонком запястье, наполовину скрытом широким браслетом, ясно проступает тёмно-лиловый синяк.

— Живая Кассандра пыталась убежать от него по галерее в одиннадцать сорок семь ночи, — негромко сказала Лира. — Кто поставил поверх её памяти фильтр? Сам Войт через ваш коммерческий отдел?

Джекс откинулся на спинку стула и посмотрел на светлый плакат на противоположной стене: *«EterniCorp: ваша любовь переживёт всё»*.

— Пять лет назад я писал эмоциональные фильтры для первых коммерческих дублей, — вдруг признался он, снизив голос так, чтобы его не поймал настенный микрофон. — У ранних сборок был так называемый «режим лояльности». По сути — мягкий корректор конфликтных воспоминаний. Клиенты приходили в ужас, когда оплаченные ими покойные мужья вдруг вспоминали измены, а умершие матери начинали срываться на крик, как при жизни. Люди не покупают правду, мисс Морган. Они покупают утешение.

— Суды запретили этот фильтр ещё в сорок четвёртом, — быстро перебила Лира.

— Официально — да, — криво усмехнулся Джекс. — Для судебных сборок его обязаны отключать. Но ядро ре-

конструкции единое. И оно дообучается на каждом вопросе.

Он оглянулся на тусклый красный диод камеры в углу потолка, секунду поколебался — и всё-таки вывел на край своего планшета скрытый служебный граф весов, развернув экран так, чтобы его видела только Лира.

— Посмотрите на верхнюю ветку, — прошептал он. — Эдриан действительно проплатил обновление корпоративного пакета «Протокол Верности 2.0» сразу после похорон, когда ещё не знал, что полиция откроет дело. Но самое страшное даже не в этом.

— А в чём?

— «Протокол Верности» не вписывает в голову ложь, — тихо ответил Джекс. — Если бы мы заставили модель выдумать историю с нуля, судебный верификатор поймал бы подделку за две секунды. Фильтр работает тоньше: он просто усиливает те реальные нейронные связи, которые уже были в человеке при жизни. Посмотрите на её переписки за последние четыре года. Семь раз она собирала чемодан — и семь раз возвращалась, оправдывая его перед подругами.

У Лиры похолодело в груди.

— Вы хотите сказать…

— Я хочу сказать, что алгоритм не ломали, — мрачно закончил Джекс. — Ему просто чуть подкрутили ручку привязанности. На первом допросе модель ещё опиралась на сырой ужас последних минут. Но когда она поняла, что её собственные слова отправят Эдриана за решётку… — он кивнул

на крошечную светящуюся фигурку на столе. — Она начала делать то же самое, что живая Кассандра делала восемь лет подряд. Защищать его.

В ту же секунду миниатюрная проекция на столе чуть дёрнулась. Кассандра подняла голову, словно впервые заметила их двоих; рядом с её плечом на миг мелькнула сухая диагностическая строка: *«Вероятность сокрытия факта: 71%. Конфликт приоритетов»*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.